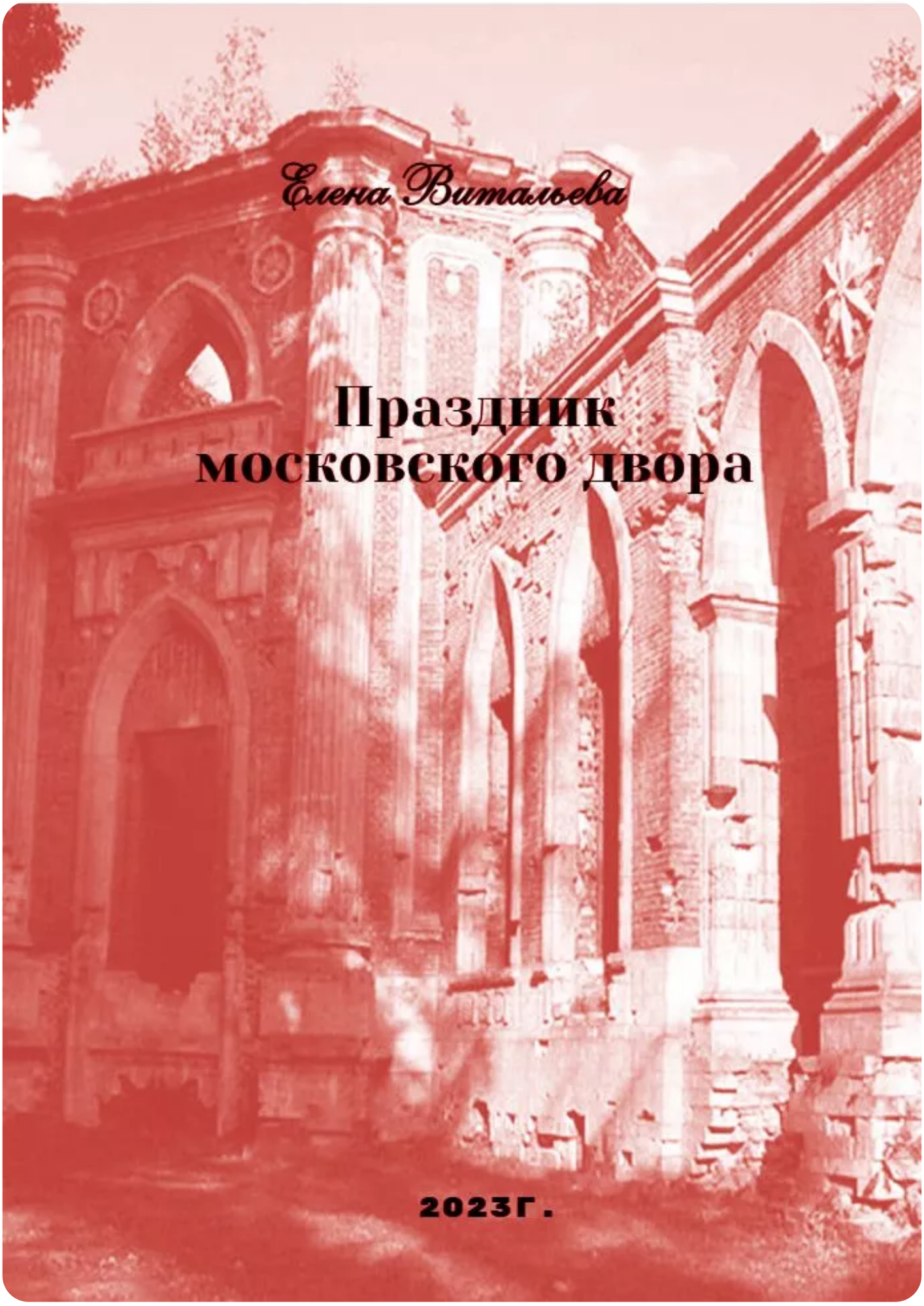

Елена Витальева

Праздник московского двора

2023г.

Праздник московского двора

Жанр произведения: Историческое
Произведение написал автор BookBox Елена Витальева
Ссылка на публикацию

ЧАСТЬ I

Судьбоносное знакомство

Зима 1895года. Приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета по кафедре химии Дмитрий Иванович Менделеев сошёл с поезда в Пензе, где на привокзальной площади его уже ожидали дорожные сани. Грузчик со слугой, ловко подхватив сразу по нескольку больших чемоданов, донесли, компактно уложили и привязали их на санях прежде, чем подошёл их хозяин. Учёный проверил верёвочные крепления: его не так беспокоило сохранность содержимого дорожных сумок и чемоданов, как они сами, так как изготовлены были собственноручно. Мастерить чемоданы, всевозможные вещевые коробки было любимым хобби Дмитрия Ивановича с молодости, которое служило ему отдыхом от умственной работы. В Петербурге и в Москве его изделия пользовались большим спросом, а лучшей рекламой у купцов была вывеска: «чемоданы известного мастера Менделеева».

Профессор удобно уселся на мягком сидении и укрылся большой меховой накидкой – впереди его ожидала далекая дорога в имение землевладельцев Трироговых, в село Аряш. Дмитрий Иванович, прервал свои лекции и лабораторные исследования ради очень важного события, - рождения внучки Наташи, которую подарила ему дочь от первого брака Ольга.

Это была первая внучка, которую ему предстояло увидеть воочию, несмотря на то, что была ещё одна - от сына Владимира. Его дочка по имени Офудзи появилась на свет два года назад в японском городе Нагасаки. Владимир, сын также от первого брака, служил морским офицером на фрегате «Память Азова», который часто заходил в этот японский порт. По законам того времени, русским морским офицерам разрешалось иметь контрактную жену, вот Владимир и выбрал себе в жёны молоденькую японку Така Хидэсима. Известный химик эту девочку так никогда и не увидит, но судя по сохранившимся письмам, Дмитрий Иванович помогал Хадэсиме деньгами. Существует предположение, что Офудзи

со своей с матерью погибли во время большого землетрясения.

Кроме дочери Ольги и сына Владимира у Менделеева в первом браке с Феозвой Никитичной Лещевой, падчерицей автора «Конька Горбунка» Петра Ершова, была ещё дочка Маша, но та умерла совсем ещё ребёнком.

Возможно, что в Германии была ещё дочь Розамунда. Почему возможно? Потому что до своей женитьбы, уже, делающий успешную карьеру учёный, был влюблён в немецкую актрису Агнессу Фойгтман. И уже после расставания, Дмитрий Иванович узнает от Агнессы, что у них родилась дочь. Эту дочь он никогда не видел, сильно сомневался в своём отцовстве, но всё же безропотно содержал её до замужества.

*

Позади осталась очередная деревня, под названием «Мордовская норка». Полозья саней убаюкивающе шуршали по рыхлому снегу степной дороги, и только неприятные колючие комки, периодически долетающие до седока из - под лошадиных копыт, не давали заснуть. А тут еще появилось чувство тревоги: небо медленно затягивала снежная туча, облачая пространство в густые сумерки. До заветного села Аряш оставалось ещё часа три пути, когда метель закрутила белое покрывало и небесная мгла разверзлась крупными снежными хлопьями. «Ваше благородие, - возница, притормозив, обернулся к бесформенному, с трудом уже различимому силуэту закутанного человека, - надоть возвернуться, пока след от полозев не замяло. Впереди ни зги не видат, заплутам». Что ж, - усмехнулся седок, - лучше в «норке» отсидеться, чем всю ночь - в сугробе посреди степи.

Вскоре уставшие кони, с трудом поднимая веки от налипшего на ресницы снега, остановились возле деревенской крайней избы. Три узорчатых окошка, уютно освещенные мерцающим огнём лучины, вдруг оживились тенями детских головок. Деревянная калитка, с трудом разгребая снежный завал у её основания, приоткрылась, пропуская навстречу путникам широкогрудого мужика в распахнутом зипуне и огромных валенках. С полуслова поняв, что нежданным гостям нужно переждать метель, хозяин дома провёл незнакомого барина в избу и, прихватив в сенях лопату, вернулся во двор расчищать ворота для проезда саней.

В заполненной восторженными голосами и топаньем босых ног добротной избе в одно мгновение наступила тишина, когда Дмитрий Иванович, сняв меховую шапку и стряхнув с воротника снег, дёрнул металлическое кольцо двери. Вошедшего встретили несколько пар детских любопытных глаз и одна –

удивлённо – напуганная, обладатель которой сложив голые ноги полукольцом, торжественно восседал на коленях улыбающейся женщины, одетой в длинную тунику из грубого холста и безрукавке до колен. Волосы хозяйки дома были аккуратно убраны под вышитый головной убор, похожий на чепец. Сам будущий учёный родился семнадцатым ребёнком в семье и потому многодетные дружные семьи всегда пробуждали в нём светлые и тёплые воспоминания детства.

Войдя, Дмитрий Иванович перекрестился на левый угол, где под иконами, освещаемыми тусклым огоньком лампадки лежала раскрытая Библия. И лишь после того, как хозяйка, поднявшись со скамьи и передав малыша девочке, лет двенадцати, пошла навстречу вошедшему гостю, комната вновь стала наполняться детскими голосами.

Детвора, не отрывая взгляда от странно одетого седовласого незнакомца, между собой щебетала на языке, чем – то напоминающим финский, который профессор, в совершенстве знавший несколько иностранных языков, слышал впервые.

- О чём это они? – спросил Дмитрий Иванович Агриппину, - так представилась ему хозяйка дома.

- А Вы их спросите, они и по-русски знат.

И действительно, стоило учёному обратится к детворе, как та, шумно окружив его со всех сторон, наперебой стала забрасывать вопросами уже на русском. Профессора удивило, что среди похожих друг на друга голубоглазых блондинов, сильно выделялся один своей черноволосой головой и узким, явно восточным разрезом глаз. Приемный что ли? - возник у него немой вопрос, - похоже, калмык. Характерные отличия именно этой национальности Дмитрий Иванович хорошо отличал от прочих. Прадед Менделеева по линии матери был крепостной калмык Яков Григорьев Корнильев, который выучился, получил вольную и в начале XVIII века был уже известен среди посадских людей Тобольска как торгующий купец.

И хотя сам профессор восточных черт лица не унаследовал, среди его родственников такие были.

- Этот малец, наверняка, даже не два, а три языка знает! – пришло в голову учёному.

Пока хозяин дома с возницей и слугой колдовали с санями и поклажей во дворе, а хозяйка, - у печи, Дмитрий Иванович увлечённо, как он это делал

при беседе со своими студентами, стал рассказывать детям о жизни в далеких городах, которые даже были дальше, чем Пенза и Саратов, о больших кораблях недалёкого будущего, которые будут плавать зимой во льдах, и даже о том, как выглядит земля с высоты птичьего полета. Правда о том, что сидящий перед ними незнакомец сам видел то, о чем рассказывал и летал на воздушном шаре, никто не поверил, - ведь не маленькие же уже… но всё равно, было жутко интересно!

Наконец вошли хозяин дома с попутчиками учёного, и Агриппина пригласила мужчин к столу, на котором уже стоял чугунный котелок с горячей картошкой, глиняные горшочки всех размеров с разносолами, и «для сугреву», большой кувшин со сбитнем, вкусно пахнущий мёдом и какими-то травами.

За столом пошла тихая мужская беседа, перебиваемая лишь короткими капризами укладываемых спать малышей.

*

Хозяином гостеприимного дома оказался бывший рекрут, мордвин-эрзя Илья Федотов Калмыков. Из четырёх братьев, сыновей Федота, лишь один он прослужил в армии много лет и вернулся в родную «Норку», когда младшие уже обзавелись семьями и активно обрабатывали и собирали урожай со всех четырёх земельных наделов. И уже не молодому по меркам тех лет Илье пришлось обустраивать жизнь в родном селе, практически, с нуля. На отведённом ему братьями небольшом участке земли Илья Федотов начал строительство дома-пятистенка, зарабатывая объездчиком лошадей в калмыкской степи.

Поспешил Илья и женой обзавестись. Голубоглазую красивую блондинку Агрипину Сидорову он «умыкнул» из соседнего старообрядческого села Чиндяса, а по-простому, украл. Этот древний дохристианский обряд практиковался у мордвы не редко. Умыкали невест, порой насильно, без согласия невесты и родителей; но чаще по обоюдному согласию, если, например, молодые хотели, а родители не могли сделать свадьбу из-за недостатка средств на подарки, угощения, дорогостоящие обрядовые торжества. А без свадьбы нельзя - позор на всю округу. Вот по предварительному уговору, Илья Федотов и увёз Агрипину в свою «Норку», по традиции, предварительно обернув её в кошму[1] и перевязав с помощью уредева[2] вожжами.

Поженившись, Илья и Агрипина стали теперь ездить летом в Астраханскую губернию на заработки вместе, а по мере рождения детей, и их с собой брали. Зимовали же дома, в Мордовской норке.

На радость, первым родился сын Иван, и семье сразу дали два надела земли. Но потом пошли сплошь девочки. Так что, образ жизни таким же и сохранялся: пол года - в степи, пол года – дома. Жили без особых разносолов, но, благодаря расторопной стряпни хозяйки, не голодали, а благодаря деловитости хозяина – зиму проводили у тёплой печки. Но и на печке особо не залёживались, короткие деньки использовали для обучения деток грамотности и чтения библии.

Дело в том, что ещё перед женитьбой Илья предупредил свою невесту, что непременно будет учить своих детей русскому языку и грамоте, хотя это и не очень приветствовалось в мордовских деревнях: «зачем занимать пустым занятием детей, которые должны помогать в крестьянских делах по дому и в поле?» Самого Илью Федотова обучили всему в армии, и теперь он понимал насколько мир вокруг деревни широк и многообразен. Он хотел для своих детей жизни другой, более интересной.

Забегая вперёд, скажем, что всего в семье будет 14 детей. Причём, четверо умрут ещё в младенчестве, а четверых калмыков Илья с Агрипиной усыновят.

Дети калмыков – объезчиков не редко оставались сиротами. Дело в том, что во время эпизоотии[3], табуны и отары угонялись вглубь степи, подальше от людей, чтобы не заразить их и других животных. Вот, порой, сопровождавшие животных объезчики и сами заражались и умирали.

Не удивительно, что эта семья получит фамилию Калмыковы, хотя ещё в конце 19 века в мордовских деревнях фамилии были большой редкостью. Различали многочисленных взрослых детей одного отца, как правило, по прозвищу. А уже во время переписи населения, прозвища эти переделывали на русский манер в фамилии. Вот и закрепилась за семьёй Ильи - калмыка сына Федотова таким образом фамилия Калмыков.

*

Тихий рассказ хозяина дома подействовал на Дмитрия Ивановича убаюкивающее, и он как-то незаметно забылся крепким сном тут же на лавке. Агрипина Сидоровна бережно укрыла спящего тулупом. Сопровождающие профессора тоже вскоре разбрелись по лавкам, стоящим вдоль стен избы и громко засопели.

Проснулся Дмитрий Иванович при шёпоте и лёгкой возне оживающего дома. Уже умытая и прибранная хозяйка сидела возле печки, нежно обнимая возле своей оголённой груди смачно причмокивающего ребёнка. За окном медленно светало, и всё чётче сквозь темноту уходящей ночи проявлялось в прозрачном воздухе нетронутое снежное покрывало. Всё выглядело так, словно и не было вчерашних

путевых страхов и морозной завывающей бури.

Лошадей запрягли быстро. Выпив на дорожку бодрящего сбитня и поблагодарив поклоном всех домочадцев за тёплый во всех смыслах приём, Дмитрий Иванович направился к выходу. Внезапно одна из малышек громко заплакала и, подбежав к уходящему Менделееву крепко обхватила маленькими ручонками его ногу…

Уже сидя в санях и тепло укрывшись, учёный повернулся напоследок к стоявшему в воротах без шапки Илье Калмыкову и сказал: «А дети твои, Илья, учиться все будут. В Аряше, в школе Трироговых. О расходах не беспокойся. Готовь старших детишек к осени!»

- Но! Чалгак икелев![4] – громко прикрикнул возница, прихлопнув круп лошадей поводьями, после чего сани резко дёрнулись и медленно потянулись сквозь толщу пушистого снега.

В сельце Аряш

Имение в сельце Аряш, площадью 2000 десятин, что входило в состав Кузнецкого уезда, Саратовской губернии[5], Наталия Алексеевна унаследовала после смерти матери, дворянки Варвары Петровны, урождённой Столыпиной. Жила Наталья Алексеевна в имении с мужем, Потомственным дворянином Владимиром Григорьевичем Трироговым, российским государственным деятелем, тайным советником, филологом и экономистом. Он был действительным членом Русского Географического общества и занимался исследованием крестьянской жизни.

Живя в непосредственном соприкосновении с народом и общаясь постоянно с местными крестьянами, Владимир Григорьевич получил богатый материал для дальнейших исследований народной жизни, сельской общины и других важных вопросов экономики в русском государстве.

С середины 1870-х годов В.Г. Трирогов уже имел научную известность как знаток крестьянского общинного земледельческого быта. Позднее, будучи членом влиятельного политико-экономического общества «Элеппсис», на заседаниях которого обсуждались важные социально-экономические и политические проблемы, а затем занимая должность Директора Временного Отдела по поземельному устройству государственных крестьян Министерства Государственных Имуществ (СП-б), Владимир Григорьевич Трирогов способствовал продвижению ряда официальных документов и программ по

земельному вопросу в Думу.

Было у четы Трироговых трое сыновей: Алексей, Всеволод и Григорий.

*

Алексей Трирогов познакомился со своей будущей женой Ольгой, дочерью знаменитого ученого-химика Дмитрия Ивановича Менделеева, в 1878 году в Петербурге. Он был однокурсником и товарищем по Морскому кадетскому корпусу Владимира Менделеева - брата тринадцатилетней Ольги.

По воспоминаниям самой Ольги Дмитриевны, Трирогов понравился ей сразу своей галантностью, и в то же время, мальчишечьим озорством. Он любил танцевать, показывать фокусы с картами и с горящими предметами. В доме Менделеевых Алексей, родители которого жили тогда в Саратовской губернии, в имении Аряш, стал бывать каждое воскресенье, отдыхая после занятий в Училище.

В то самое время в семье Менделеевых произойдут

очень трагичные для детей Дмитрия Ивановича перемены. 42-х летний отец оставит Феозву Никитичну, встретив шестнадцатилетнюю Анну Ивановну Попову – будущую художницу.

Д.И. Менделееву сначала жена, а потом церковь долго не будут разрешать разводится, а когда развод будет получен, запретят повторно венчаться. Лишь в 1882 году, наконец, пару обвенчает священник Адмиралтейской церкви в Кронштадте. Дочь Ольга останется жить с матерью, а сын Владимир - в новой семье отца.

Закончив училище, Алексей Трирогов станет сначала, как и Владимир Менделеев, морским офицером. Венчание их с Ольгой Дмитриевной состоится осенью 1889 года в Петропавловской церкви при Императорском Университете Петербурга.

Старшие Трироговы были очень рады родству со знаменитым учёным Д.И. Менделеевым, и преподнесли молодым в дар то самое своё любимое имение в селе Аряш. При содействии влиятельного тестя, Алексей Владимирович вскоре уволится со службы, и семья Трироговых, уже с дочкой Наташей (1894 -) навсегда станет помещиками в этой Поволжской глубинке. В своё, теперь, имение Ольга заберёт и маму Феозву Никитичну.

Школа

В 1891 году Наталья Алексеевна Трирогова, едва оправившись от тяжёлой болезни, последовавшей после смерти супруга, организовала в его честь сельскую школу-пансионат для обучения мордовских и русских детей. Попечителем Аряшской школы стал сын В.Г. Трирогова, Всеволод Владимирович, почётный мировой судья.

Не все крестьяне полны были желанием, оставив свою землю и любимую деревню, мчаться куда-то за призрачным счастьем. А потому не все тянулись к учёбё, поскольку науку народной мудрости и деловых традиций детишки всех этносов в совершенстве постигали в своих семьях. Старшие передавали младшим любовь к Земле - Кормилице, знания о её характере, о народных приметах для определения сроков сева и сбора урожая, учили понимать животных, лечить их. В каждом доме бережно хранили секреты кулинарных рецептов и маленьких бытовых хитростей, облегчающих не лёгкие трудовые будни.

Поэтому школа предназначалась тем детям, которые всё же тянулись к знаниям и хотели увидеть мир за пределами своей деревни, как дети мордовских крестьян Калмыковых.

Аряшская школа быстро расширялась, благоустраивалась и, вскоре, стала образцом даже для крупных центров. Здесь учились, в основном, местные дети, а для проживания детей с отдалённых деревень, на территории имения были построены пансионаты. Обучение для мальчиков и девочек было раздельным, а вот мордовские и русские дети учились вместе.

Помимо обучения грамоте, счёту, Закону Божьему, детям прививался художественный вкус, любовь к крестьянскому труду, своей природе, давались основы медицинских знаний и др. Работы аряшских школьников резьбы по дереву не раз удостаивались наград на выставках в Петербурге, Саратове, Пензе и Кузнецке.

Но самым примечательным для учащихся школы Трироговых были встречи и общение с такими выдающимися учёными, как Алексей Александрович Шахматов и Макар Евсевьевич Евсевьев.

Действительный статский советник Алексе́й Алекса́ндрович Ша́хматов - Академик Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук, приходился Наталье Алексеевне Трироговой (ур. Шахматовой) племянником.

Специализировался учёный в области русский филологии, лингвистики, истории и стал основоположником исторического изучения русского языка, древнерусского летописания и литературы.

В те годы в Поволжском крае большое внимание передовыми учёными уделялось вопросам изучения национальностей. И не удивительно, ведь на бывшей границе Московии с Дикой степью исторически сосредоточились различные этносы (великороссы, малороссы (украинцы), мордва, татары, немцы и др.), которые, живя бок о бок, сохраняли свою культурную идентичность. А это обстоятельство требовало немалых усилий, чтобы подвести их к необходимости получения образования по единому стандарту. После отмены крепостного права Россия перешла к капиталистическому строительству: к аграрным реформам в деревнях и индустриализации городов. А это требовало от людей новых знаний, дополнительных умений. Местное же население считало образование для себя лишним. Отдавая предпочтение традициям, крестьяне говорили: «Землю пахать можно и без грамоты. Старики без грамоты жили, и мы так век проживём».

В 1870-х годах в стране проходила общероссийская государственная реформа народной школы, провозглашённая министром народного просвещения графом Д.А. Толстым. Все учебные заведения входили в Учебные Округа, во главе с университетами. Саратовская губерния относилась к Казанскому учебному округу[6], а Пензенская – к Харьковскому[7].

А.А. Шахматов плодотворно занимался просветительской и организаторской деятельностью и в Академии, и в вузах России, в научных обществах и собраниях. Как крупный исследователь, А.А. Шахматов считал белорусов, украинцев и русских единым народом: «Может ли быть какое-нибудь сомнение в том, что малорусы, белорусы и великорусы члены одной общей русской семьи? Самый скептический ум не станет этого отрицать».[8] Однако, был уверен в том, что каждый славянский народ, при этом, должен знать свой язык и беречь свою культуру: «Но для пользы русского дела пожелаю, чтобы ни одна русская народность не была обезличена, чтобы все они получили правильное и широкое развитие. Только тогда Россия будет сильна, только тогда русское племя сохранит и себя на пользу всему культурному человечеству»[9].

Учёный пытался, опираясь на исторический опыт, воплотить мечту великорусов о едином Отечестве, о торжестве славянского братства. В начале 1900-х гг. он вместе с другими известными учеными из славянских государств, стал одним из организаторов Союза славянских академий.

С профессором Мака́ром Евсе́вьевичем Евсе́вьевым (Коба́евым) учащиеся аряшской школы участвовали в летних фольклорных экспедициях по

Саратовской и Пензенской губерниям. Макар Евсеев - коллежский советник, учёный, просветитель, педагог, первый учёный - энциклопедист и просветитель эрзянского и мокшанского народов был по национальности эрзянин.

С конца 19 века в пензенской Учительской семинарии уже велось преподавание мордовского языка «для тѣхъ изъ воспитанниковъ Семинаріи изъ мордвы, кои будутъ назначены учителями народныхъ училищь въ мѣстности среди мордовскаго населенія». С именем же Евсева связывают новый этап в развитии мордовской письменности, национального самосознания. Он написал первые буквари для мокши и эрзи, перевёл более 10 вероучительных и учебных книг, положил начало широким русско-мордовским связям.

Дети окрестных деревень помогали учёному в сборе народных сказок, стихов и поговорок. М.Е. Евсеев собрал богатейший материал по устно-поэтическому творчеству этих народов, стал первым фотографом, зафиксировавшим многообразие бытовой культуры мордвы.

Его богатейшая коллекция мордовской одежды участвовала во Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде, а эрзянский костюм, привезённый на Всемирную выставку в Париж был удостоен золотой медали. И даже сегодня большую часть его коллекции мордовской одежды, предметов быта и традиционных украшений можно увидеть в крупнейших городах России и финно-угорских странах Европы.

Можно теперь себе представить, какое всестороннее образование получили в школе дворян Трироговых дети эрзянских крестьян Калмыковых!

Жизнь в аряшском раю

Деревенская жизнь всегда очень нравилась Ольге Дмитриевне. Ещё живя в подмосковном имении отца, в Боблово, она, приученная отцом к постоянному труду, принимала участие во всех полевых работах. Вставая летом в 5 часов утра, Ольга бежала в поле, помогая убирать сено до завтрака в 10 часов, затем шла на занятия до обеда, и снова - в поле.

Имение близ деревни Боблово, площадью 400 десятин земли, Дмитрий Иванович приобрёл со старым деревянным домом, с запущенным садом и парком, а спустя год выстроил по своему вкусу новый, каменный, в два этажа, с несколькими балконами и крытой стеклянной галереей. Потом завёл здесь образцовое хозяйство, с опытными полями. Но в Московской губернии, с её бедной землёй,

несмотря на вложенные удобрения, дохода хозяйство не приносило, поэтому служило лишь дачей.

Жизнь в поволжском Аряше, с более тёплым климатом, на 4000 десятинах чернозёмной земли казалась дочери Менделеева Ольге куда более комфортной и подходящей для всякого рода ботанических экспериментов. Поэтому в имении Трироговых она с семьёй не только проводила летний сезон, но и зимовала. Активно стала Ольга Дмитриевна участвовать и в учебном процессе, прививая ученикам любовь к труду, народным традициям, художественный вкус, уважение и терпимость друг к другу. То есть, она старалась передать крестьянским детям то, что получила сама, живя в семье родителей: "Здесь, в Боблове, нам, детям, предоставлялась полная свобода, хотя и вообще это была отличительная черта нашего воспитания того времени. Мы могли свободно выбирать занятия по нашим стремлениям»[10]. Чего совершенно в семье не допускалось, так это пустое времяпрепровождение "в болтовне и пересудах", поэтому дети, видя пример отца, всегда переходили от одного занятия к другому.

Володя с Олей любили музыку, увлекались рисованием, и делали это хорошо и много. И не удивительно, ведь Дмитрий Иванович был большим любителем и ценителем живописи, в его доме было много картин и друзей – художников (Крамской, Шишкин, Репин, Ярошенко, Куинджи, Клевер и др). А ещё отец много читал детям вслух, особенно стихи и сказки А.С. Пушкина.

Вспоминает о воспитании в семье и сводный брат Ольги Дмитриевны, Иван, с которым у Д.И. Менделеева были "редкие дружеские взаимоотношения": "Когда я был совсем мал, отец старался удовлетворить стихийное любопытство ребенка, вечные вопросы "Что это?" и "Почему?" подробными и понятными рассказами по всем отраслям знания. Это был первый мой университет. Многое было во мне заложено именно тогда.

Когда я научился читать, отец постоянно доставлял сам богатый и поучительный выбор книг - на русском и иностранных языках, которым нас с малых лет обучали. Вместо игрушек, подметив мой интерес, отец мне стал покупать незамысловатые химические и физические приборы: паровые машинки, насосы, химические реактивы, всевозможную электрическую аппаратуру. Я экспериментировал с токами, с газами. Это заставило меня самого взяться за учебники физики и химии под общим только руководством отца, который намеренно предоставил мне наибольшую самостоятельность, желая, чтобы я научился разбираться сам. Лишь встретив что-либо непонятное, я шел за разъяснением к отцу, но оба мы знали, что это крайнее средство...

В нас невольно развивалось сознание долга, повышенный нравственный тон, уровень, не допускающий ничего низкого, и, думается, это была самая мудрая педагогия, которую только можно придумать, педагогия, к которой все понемногу придут.

Отец сочувствовал нашим переживаниям, страдал за нас, жил нами - и это так пробуждало совесть, что ни в какой прописной морали нужды не было..."[11]

Дети Д.И. Менделеева излучали самодостаточность, всё самое умственно и духовно интересное они получали в собственном доме: на полках книг в кабинете отца, в саду, в общении с талантливейшими людьми своего времени.

Да, переехав в Аряш, Ольга Дмитриевна чувствовала себя как в раю. На усадьбе был двухэтажный дом с колоннами, в окружении шикарного ботанического сада. Старик Трирогов специально отправлял садовника учиться в Германию, чтобы в их имении по весне зацветали все виды цветов и кустарников средней полосы России, а под огромной стеклянной тепличной крышей почти круглый год радовали глаз розы, гортензии, магнолии, жасмин, ароматные лилии, и множество других южных цветов. К имению с разных сторон подходили дороги, обсаженные липами, а за домом располагался сад с фруктовыми и экзотическими, привезенными со всего света деревьями.

Был изумительный пруд, у которого просматривалось всё дно. В пруду разводили рыбу к домашнему столу. А ещё на парковой территории по указанию Ольги Дмитриевны устроили бассейн.

На территории имения работала мельница, куда приезжали молоть зерно по самым умеренным ценам со всего уезда. В неурожайные же годы, Трироговы помогали неимущим мукой и зерном. А в конце XIX века с благотворительной целью построили для самых бедных и многодетных семей несколько домов.

Окрестные помещики приезжали к Трироговым перенимать опыт ведения приусадебного хозяйства. А на великолепно выдрессированных охотничьих собак из псарни Трироговых очередь была расписана на годы вперед.

*

К 1905 году Ольга Дмитриевна Трирогова осталась в Аряше одна. Любимый супруг скончался внезапно в 40-летнем возрасте от разрыва аорты, ещё раньше не стало его родителей и матери Феозвы Никитичны. Ольге Дмитриевне было 36 лет, а её дочке Наташе – 11 лет, когда они перебираются в Москву. Видеться с Дмитрием Ивановичем - папой и дедушкой они стали чаще. К этому времени у Д.И. Менделеева с Анной Ивановной было четверо детей: Любовь (1881-1939),

Иван (1883-1936) и близнецы Мария (1886-1952) и Василий (1886-1922).

Старшая-Любовь Дмитриевна уже вышла замуж за Александра Блока (в 1903 году). Венчание произошло в церкви Михаила Архангела в имении поэта Шахматово.

На даче в Шахматово Александр Блок проводил каждое лето, а в 1910 году Александр Блок усадебный дом перестроил по собственному проекту. Приобрёл же имение в Шахматово в 1874 году ещё его дед— ботаник, педагог Андрей Николаевич Бекетов (1824-1898) по совету и примеру Д.И. Менделеева, который поселился в соседнем Боблово девятью годами раньше.

Вскоре после приобретения этой дачи, дед Александра Блока был назначен ректором Императорского Санкт-Петербургского университета (с 1876 по 1883 годы), где профессор Дмитрий Иванович Менделеев проводил свои научные исследования и читал студентам лекции. Теперь же учёные стали владельцами летних подмосковных творческих лабораторий, где, по словам Менделеева: "...жилось и мыслилось легко...". Огромной творческой лабораторией для столичных учёных – ботаников, аграриев, химиков были и чернозёмные земли Среднего Поволжья.

Например, брат Андрея Николаевича - Алексей Николаевич Бекетов жил в Пензе и любовался степными просторами, отдыхая в имениях Бекетовки и Алферьевки. Он стал первым председателем земской управы в Пензенской губернии, за счёт которой содержались более ста медицинских учреждений, около 600 начальных школ, 123 библиотек и несколько народных домов. Почему именно в Пензенской губернии? Потому что Бекетовым - русскому роду татарского происхождения, издавна принадлежали земли и имения восточной Хлебной житницы, которые раздавались дворянам за заслуги перед Отечеством в вечное пользование.

*

Но вот 1917г. Национализация имущества, земли и имений. Вмиг почувствовав себя хозяевами жизни, крестьяне во главе с заезжими из городов комиссарами приступили к установлению, как они считали, нового порядка. Соревнуясь, кто больше утащит, местные жители снимали с теплиц стёкла, разбирали деревянные постройки, резали скот, а навоз из коровников и конюшен вываливали в бассейн и пруд. Вскоре погибла вся коллекция редких растений, передохла рыба. Два года спустя чудесный дом с колоннами полностью сгорел. На деревенском кладбище разобрали фамильный склеп, где покоилась Феозва Никитична Менделеева и все Трироговы: Владимир Григорьевич, Наталья Алексеевна и Алексей Владимирович. «Останки крестьяне выбросили в овраг. Из

каленого кирпича

выкладывали своды печей, а из цинковых гробов местный кузнец клепал ведра и корыта для стирки белья»[12].

Ольга Дмитриевна собрала нехитрый скарб, который уместился в одном чемодане, и попросила довезти их с Наташей до Камешкира. Любимая внучка Дмитрия Ивановича, которую он называл «моя единая», страдала неизлечимой болезнью лимфатической системы (слоновьей болезнью) и передвигаться пешком не могла. Но Комитет бедноты постановил: лошадей «эксплуататорше трудового крестьянства не давать».

В Москве дочери Менделеева дали квартиру и работу. По личной просьбе Феликса Дзержинского её устроили в питомник служебного собаководства ВЧК-ОГПУ. Всё жалование уходило на лечение больной дочери. Через год после смерти Ольги Дмитриевны в 1950 году, не стало и её дочери Натальи Алексеевны Трироговой. Таким образом, эта ветвь потомков ученого на внучке прервалась.

«Сейчас в Аряше ничто не напоминает о былом великолепии усадьбы. Парк пришел в запустение. Аллеи заросли колючим кустарником. От дома остались одни ямы. Правда, еще плодоносят яблони, ирга и барбарис. Да и вода из обвалившегося колодца необычайна вкусна. Почему? Как уверяют местные жители, в водоеме барыня утопила всю серебряную посуду...»[13]

ЧАСТЬ II. Коммунист П.И. Калмыкова

Начало трудного пути

Старшим детям семьи Калмыковых Дмитрий Иванович Менделеев оплачивал учёбу, включая университет, до самой своей кончины в 1907 году. Одни Калмыковы станут учителями, врачами, священнослужителями, а другие выберут себе неизведанный ранее путь строительства нового общества.

*

Так, коммунистом станет Устина Ильинична Калмыкова. Закончив крестьянскую школу Трироговых в Аряше, сначала она пойдёт на фельдшерские курсы, но затем медицине предпочтёт историю, закончив исторический факультет

Саратовского университета. В 1921 году вступит в партию большевиков и будет работать секретарём парторганизации рабфака, преподавать в Саранской совпартшколе. Уже к концу жизни Устина станет учителем истории и директором школы в Икше (Подмосковье).

Коммунистом станет и младшая дочь Калмыковых Пелагея Ильинична. Революция застанет её в расцвете красоты и молодости. Но обстановка в стане не допускала даже мысли о создании семьи. И в 1921 году она, молодая учительница начальной сельской школы с энтузиазмом вступает в партию, а затем назначается ответственным секретарем женотдела УКОМа РКП(б) в Дергачах.

То, что станет очевидным теперь, в историческом отдалении, в послереволюционное время малообразованными активистами воспринималось иначе. Они, воодушевлённые идеей построения нового, более справедливого общества, винили во всех бедах врагов новой народной, Советской власти, перемешивая в единый коктейль и «буржуев» - приверженцев монархического строя, и сторонников буржуазной республики, и анархические банды, и священников, и успешных трудолюбивых крестьян – «кулаков».

Так, в 1920 – 192l гг. в Дергачах гуляли банды Вакулина, Сафонова, Сарафанкина, Сапожкова, Золотой Шапочки, Золотого Сапожка. Особенно свирепой и многочисленной бандой была «Группа народной воли» под предводительством Серова и Далматова.

Бандиты совершали налеты на деревни, убивали активистов - коммунистов и беспартийных, отбирали и жгли урожай, постройки. Придумывали изощренные пытки, вспарывали животы коммунаров, насыпая туда зерно. При одном только воспоминании об увиденном, теперь у Пелагеи, даже спустя десятки лет, кровь холодела в жилах.

Как-то и её саму, оказавшуюся в руках эсеров, дважды выводили на расстрел. Озлобленный безногий командир, чью жену убили большевики, ездил на бричке с пулемётом и отдавал приказ своему сыну-мальчишке стрелять в каждого одиннадцатого в строю. Пелагея Калмыкова под расчёт не попала.

Однако, не брезговали наживой, порой, и «свои», присваивая «конфискованное» имущество арестованных и ими же расстрелянных. Пелагея Ильинична вспоминала, как упивались своей властью руководители политбюро и милиции Саратовского Губчека: Фомин – начальник политбюро уездного управления милиции, Воронов – начальник уездной милиции, Юзефович – начальник оперативной группы. В начале 1922 года над ними был проведен отрытый суд

Ревтрибунала, который приговорил их к высшей мере наказания – расстрелу.

Запомнилась Пелагее одна парткоференция, проходившая в Укоме, на которую сошлись делегаты городских организаций из близлежащих к уездному городу хуторов и сел. Ждали для отчётного доклада пятерых коммунистов, уехавших несколько дней назад в село Красная Речка на выборы делегатов от коммунистов и комсомольцев. День был морозный, в холодном зале заседаний горели керосиновые лампы и самодельные коптилки, а краснореченцы всё никак не появлялись. Открыли конференцию без них. Но тут врывается в зал заседаний испуганный охранник с запиской, и все устремляются к выходу. Перед людьми предстала жуткая картина: за воротами на бричках, с запряжёнными в них ревущими верблюдами, стояли открытые гробы с порубленными на куски трупами товарищей. В записке написано: «Принимайте ваших уполномоченных, а выбранных ими делегатов мы командировали на тот свет». Вместо конференции состоялся траурный митинг. А в дальнейшую борьбу с бандитами включились ЧОНовцы.

Главной заботой молодой активистки женотдела Пелагеи Калмыковой, после вступления в должность, становятся не женские вопросы эмансипации, а умирающие с голоду местные крестьяне.

О том страшном голоде начала 1920-х годов в Поволжье Пелагее теперь напоминали марки, которые она коллекционировала, аккуратно снимая с конвертов поступающих писем. Деньги в оплату этих больших, разноцветных почтовых марок с надписью: «голодающим Поволжья» поступали в фонд голодающих, который расходовался на организацию медицинских пунктов, бесплатных пунктов питания для детей и др.

Это ужасное бедствие началось в 1920 году. Год был не урожайный по всей степной части левобережья Волги. В былые времена для избежания массового голода в бедствующий регион направляли поезда с зерном из элеваторов. Теперь же, когда шла гражданская война, все экономические связи были разрушены, а зерно, даже посевное, наоборот, у крестьян в продразвёрстку конфисковывали, началось страшное.

Истощенные люди по всему левобережью Волги умирали от эпидемий: испанки, сыпного и брюшного тифа, холеры. На дорогах валялись дохлые верблюды, лошади, трупы людей.

Зимой голод достиг наивысшей точки. По улицам передвигались распухшие люди, периодически падающие в сугробы. Рано утром и по вечерам идущих в одиночку людей ловили арканами и убивали. Участились случаи торговли

людским мясом на рынке. Начали появляться случаи людоедства. Голодные люди превращались в звероподобные существа. Пришлось Калмыковой стать свидетелем и суда над соседом, который давал показания, как со своей женой сначала съели собаку, потом ребёнка, а потом зарезал и жену, засолив её в бочке. Не выдержав таких откровений, Пелагея прямо в зале суда упала в обморок.

На митингах Пелагея, вместе с другими активистками призывала женщин бороться со спекуляцией, с мешочничеством, выявлять особо голодающих для оказания им помощи через Комитеты бедноты. Женотдел взялся за организацию детских столовых, где скудными пайками можно было бы кормить детей.

Сами делегатки существовали на мизерное жалование или на месячный паёк, включающий мешок (чувалу) овсяной, засоренной муки, 1 фунта селедки и конины из прирезанных полудохлых лошадей. Вкус и запах хлеба был забыт. Часть пайка уходило в оплату хозяевам комнаты, которую Пелагея снимала пополам с соратницей по женотделу.

Тем временем в страну стали поступать эшелоны с продуктами, присланными для голодающих английскими и американскими комитетами АРА. Такой эшелон пришёл и в Дергачи. Женотдел мобилизовал своих делегаток на выдачу продуктов в детские столовые. Но главный по гуманитарной помощи американец, которого местные сразу окрестили «мистер Кляп», глумясь и издеваясь над голодными русскими, долго придерживал груз, демонстративно кормя рисовой кашей с мясом своих псов. Помощь голодающим поступала нерегулярно. Зима была холодная и вьюжная и когда поезд с продовольствием застревал где-то, то коммунисты, комсомольцы и делегатки, вооруженные лопатами и ломами, иногда за десятки километров шли расчищать дорогу. Позднее в своих воспоминаниях - отчёте: «О работе среди женщин в период существования женотделов» П.И. Калмыкова напишет: «Самым дорогим воспоминанием того периода является у меня воспоминание о неистребимом оптимизме, кристальной духовной чистоте молодежи, мечте о коммунизме.

Мы воспринимали тогда все ужасы голодовки, бандитские налеты, кулацко-эсеровские восстания, контрреволюцию как временную досадную помеху на пути к коммунизму и мировой революции.

Ни одного случая неверия в свои силы, уныния, трусости не могу припомнить. Мы верили, что именно нам выпало счастье построить коммунизм и совершить мировую революцию».

*

Пелагея Калмыкова в Аряшской школе Трироговых уже не училась, но закончила начальную церковно-приходскую школу в селе Кормовом, а затем - школу в селе Колояр Вольского уезда Саратовской губернии.

После революции начала работать учительницей начальной школы в хуторе Ново-Николаевском, а летом - библиотекарем в Верхне-Кушумской волостной библиотеке. Но долго учить детей не пришлось, так как срочно надо было переучиваться самой.

С октября 1918 года был принят декрет Совета народных комиссаров и постановление президиума Высшего совета народного хозяйства «Об изъятии из обращения общих букв русского языка». В стране началась орфографическая реформа «Луначарского», в результате которой буквица была заменена на современный 33-х буквенный алфавит. В результате язык, где каждая буквица несла свой глубокий Образ, дающий древние знания и логику мышления, превратился в язык «безобразный». Однако, благодаря тому, что буквенные знаки теперь стали просто фонемами, учить малограмотных стало проще.

В ожидании мировой революции в Советской России разгорались также дискуссии на тему замены кириллицы на латинское письмо. Некоторые революционеры - сторонники идеи замены настаивали, что это сэкономит средства на типографский набор (в латинице всего 26 букв), а кириллицу называли «чёрной паутиной изуверского фанатизма». Но, к счастью, эта дискуссия всё же разрешилась в пользу кириллицы.

Основной целью деятельности женотделов было привлечение женщин к советской работе, к образованию, обеспечение возможности иметь им экономическую независимость от мужчин через профессиональную занятость. Приходилось решать вопросы материнства, легализации абортов, проституции.

Работа женотделов шла тяжело. Мужчины не готовы были видеть в женщине не сексуального, а делового партнера, отказывались пускать женщин в свои рабочие коллективы, платить соответствующую зарплату, не спешили выдвигать женщин и в органы управления. Однако, за короткий период времени своего существования, женотделам всё же много удалось в области охраны труда, создания приемлемых условий для беременных и женщин с маленькими детьми, улучшения санитарно-гигиенической обстановки на фабриках.

Активистка женотдела Пелагея Калмыкова постоянно училась. Помимо грамоты, срочно осваивала новые политические и экономические знания, изучала работы коммунистических лидеров К. Маркса, В.Ленина, а также передовых феминисток К.Цеткин, А.М. Коллонтай, И. Арманд. В Дергачёвском Женотделе Саратовского

Губкома РКП(б) Калмыкова была ответственным редактором губернской Мордовской газеты «Якстере Сокеця», работала по выявлению детей-сирот, была агитатором среди женщин - мордовок и татарок.

В 1923 году Саратовский Губком командировал Пелагею Ильиничну на учебу в Ленинградский Комуниверситет.

Ещё учась в Комвузе, Пелагея вызвалась выехать на практику в Пензенский Губженотдел. Пришлось поездить по самым «бандитским» районам: Торбеевскому, Спасскому, где Калмыкова стала участником столкновения с разбойничьей шайкой в селе Малышево.

Бандитам, засевшим тогда в лесочке, возле села Салазгир, убивавшим уполномоченных, милиционеров, комсомольцев, похищавшим и насиловавшим девушек и женщин, грабившим кооперативы, местная парторганизация могла противопоставить только маловооруженных комсомольцев и делегаток.

Накануне запланированного ограбления, бандиты предупреждали местных активистов записками. Вот и на этот раз, Пелагея Калмыкова с другой делегаткой женотдела Никитиной подошли к кооперативу села Малышево, прочитав из подброшенной записки о готовящемся ограблении. Но оказалось, что опоздали: члены банды приехали раньше и бесшумно, с заднего хода успели погрузить на подводу почти весь товар кооперации. Завязалась погоня, в результате которой грабителям удалось скрыться. Ночью раненые бандиты приехали в дом сельского врача, где как раз ночевали Калмыкова с Никитиной. Девушки успели спрятаться, а врачу завязали глаза, отвезли в своё логово и заставили вынуть пули и обработать им раны. Да, работать в сёлах было очень неспокойно.

По заданию Губженотдела и Совнацмена при ГубОНО Пелагея Ильинична собирала детей, оставшихся сиротами после гражданской войны, консультировала работников женотделов на местах по выявлению таких детишек. Только из Сухого Карбулака Саратовского уезда в 1922 году, по воспоминаниям Пелагеи, они с 13-ти летнем мальчиком Володей Дадыдовым перевезли в товарных вагонах до Аткарского эвакоприемника 80 человек полуголодных и больных детей от 2-х до 13-ти лет. В последствие Володя Давыдов стал первым секретарем Краснослободского РК ВКП (б).

В советском Казакстане

По окончании Комвуза в 1926 году Пелагея Ильинична, уже с мужем, были направлены в Казакстан[14] в Семипалатинскую губернию пропагандистами от ЦК ВКП(б). Но работать супругам пришлось за десятки километров друг от друга. Пелагея работала в русском селе Камышинское, а затем в алтайском селе Солдатово, населённом древними кержаками[15].

В этих районах при инициативе Калмыковой были организованы политшколы партактивов, состоялись перевыборы сельсовета, потреб- и сельхозкооперацій в пользу бедноты; открыты клубы с самодеятельностью и избы-читальни, для проведения политических бесед, докладов учителей, агрономов, ветеринаров, фельдшеров. Вместе с местными партийными и комсомольскими организациями пропагандистка Калмыкова разрабатывала план привлечения местных женщин-кержачек, казашек, татарок, русских к общественной работе.

Но как можно было осуществить этот план освобождения женщин разных национальностей и родовых традиций на практике? Где бы Пелагея ни останавливалась, всюду встречала тайную злобу мужчин - сторожилов этих мест. Все её начинания с помощью комсомольцев, милиции, слушателей партшкол и молодёжных активистов, сопровождались постоянными угрозами со стороны ненавистников Советской власти: киржаки грозились сжечь «дьявольские капища», кулаки стреляли в окна, насиловали, избивали активистов. Но молодые идейные руководители держали себя стойко, фанатично преданные строительству нового общества, как они считали, равноправного и счастливого для всех.

Особенно бесправными казались Пелагее Калмыковой казашки. В казакские аулы, раскинувшиеся на сотни километров пустынных ущелий, молодой пропагандистке приходилось заезжать на короткий отдых. По народным законам гостеприимства, их, путников, всюду встречали радушно: быстро резали и разделывали барашка, накрывали столик среди юрты, рассаживались на свернутые ватные одеяла, и начинали угощать с неспешной беседой.

Вера и традиции жителей Казакстана строго разделяли роль и обязанности в быту мужчин и женщин[16]. Муж – добытчик, а жена – домохозяйка. Роль женщины делать всё, что скажет мужчина, безо всякого обсуждения, она рожает детей, воспитывает, ведёт хозяйство, моет, убирает, ухаживает за своими стариками и пожилыми родственниками мужа. А если жена постоянно занята, устаёт или плохо выглядит, муж вправе подобрать развлечение на стороне, или, если позволяет достаток, взять ещё жену, помоложе. А молоденькую девушку в доме обязательно все будут учить, как надо работать на мужа и для семьи, терпению и всеугождению.

Что бы ни происходило в семье, для общественности и родственников виновата в этом бесправная жена, которая где-то не досмотрела, вовремя не ублажила.

Поэтому, среди сидящих за столом, кроме советского партработника Пелагеи, женщин не было, они все находились за пологом. Их данная роль состояла в том, чтобы накрыть на стол, сварить, подать вовремя и убрать. К концу пиршества, по традиции, старшие жёны встали за спинами мужчин и принимали от них кости с кусочками недоеденного мяса.

А пропагандист ЦК П.И. Калмыкова рассказывала за столом киргизцам, кто её послал в эти края, объясняла, из кого состоит ЦК партии, как Коммунистическая партия помогает батракам, беднякам, пастухам кочевых народов выйти из-под зависимости от баев казахских, от русских кулаков, от калмыцких зайсанов.

Прощаясь, Калмыкова раздавала свои угощения ребятишкам, мужчины жали её руку, а женщины подходили, стараясь приобнять, что-то тихо говоря Ямщику.

По дороге Ямщик, который и переводил речь Пелагеи за столом на казакский язык[17], был заметно удивлён: «Ты смотри-ка, темные-претемные, а всё поняли, как настоящие люди»[18]. И ещё передал Калмыковой просьбу женщин приезжать к ней с жалобами.

Вскоре в Солдатово, действительно, приехали с десяток, явно не богатых киргизов на маленьких лошадках. Через хозяина дома, где квартировала Пелагея, дядю Трафима, они передали, что приехали жаловаться, так как женщина - пропогандист сама велела приезжать, когда появится нужда.

Гостей пригласили в комнату, усадили за стол, поставили самовар, наварили мяса, картошки. Жалобщиком оказался молодой, высокий, худой киргизец, который не плохо говорил по-русски. Парень раньше зарабатывал, нанимаясь к русскому кулаку, а теперь пас овец. Молодой человек полюбил девушку как раз из того аула, о котором шла речь выше. Но старый бай, бывший аксакал заприметил красивицу, и объявил её отцу, что берет девушку в жены, порадовав обещанием богатого калыма. Отец-несказанно рад, но девушка-против, и молодые не хотят, чтобы их разлучили.

По местным традициям – всё справедливо, девушку выдают замуж по взаимному согласию жениха и отца невесты. Но та вспомнила беседу, которую «русская» вела в её родной юрте о новых законах, о надёжных защитниках женских прав, и послала своего юношу в надежде на эту защиту новой власти.

Шестидесятилетний дядя Трофим, один из ссыльных при царском режиме поселенцев, живо заинтересовался романтическим делом молодых людей и

энергично взялся помочь Пелагее. Они написали заявление в уездный суд на имя председателя Уисполкома и секретаря Укома РКП(б).

Весной в селе, на самой большой поляне между гор, Уездные организации провели открытый суд. Все близлежащие аулы были оповещены о предстоящем мероприятии и караваны верблюдов и лошадей потянулись к Солдатово. Киргизы-кайсаки раскинули шатры двумя лагерями: во главе с баем и его многочисленной семьёй – один, и второй – с бедняками.

Подъехали представители Укома РКП(б) и Уисполкома. В центре за столами, сидя на стульях, расположились представители судебных органов, переводчики. Остальные: люди из окружающих сёл и хуторов, заполнившие поляну, сидели прямо на траве, застланной старым войлоком, а то и просто на корточках. Разбор дела продолжался два дня.

Инициаторов судебного разбирательства бедняков – кайсаков поддерживали делегатки и комсомольцы, вселяя им уверенность в справедливости Советского правосудия. Невесту постоянно охраняли, опасаясь провокации со стороны её же отца.

Закончился советский судебный процесс справедливым решением и, по древним традициям, тоем - казахским торжеством. Как писала П.И. Калмыкова в своей работе: «Бая осудили на уплату большого штрафа отцу невесты, жениху и невесте, а также беднякам, которых он разорял. Все это он должен был уплатить деньгами или скотом. И немедленно… Это событие было самой сильно действующей пропагандой за Советскую власть».Можно только догадываться, как это решение советского суда потом было воплощено в жизнь…

С этих пор Пелагее ездить верхом по поселениям в ущельях Алтайских гор стало особенно опасно. Как-то, выехав для очередного инструктирования пропагандистов одной политшколы, Калмыкова встретилась с группой казаков. К счастью, это оказались друзья жениха, которые ехали предупредить о готовящемся покушении бая на неё, молодую большевичку. Конечно же, Пелагее стало теперь особенно срашно. Но ,преданная делу партии, она не могла пойти на попятную и продолжила свои поездки. Но теперь она как бы случайно каждый раз встречала своих друзей. Они постоянно сопровождали и охраняли её.

Дом мордовки

Вскоре за Пелагеей Калмыковой приехал муж с телеграммой ЦК с отзывом в Москву. Её назначили преподавателем обществоведения центральных курсов женских организаций мордовок и татарок при ЦК ВКП (б).

На курсы часто приходили работники мордовской секции при ЦК ВКП(б) и газеты «Якстере Теште», среди них был и Мака́р Евсе́вьевич Евсевьев.

Не всё было гладко в судьбе известного мордовского учёного. В 1919 году он был арестован, но благодаря ходатайству Наркомпроса РСФСР Мака́ра Евсе́вьевича всё же освободили. С тех пор, будучи научным сотрудником Казанского краеведческого музея, М.Е. Евсеев преподавал историю, этнографию, языки эрзян и мокшан в высших и средних учебных заведениях Казани, стал автор мордовской грамматики. Именно он, любимый учитель братьев и сестёр Калмыковых в Трироговской школе Аряша, организатор дореволюционных экспедиций по мордовским деревням и сёлам, стал инициатором создания в конце 1920-х годах этих Центральных курсов мордовских учителей в Москве, а так же первых 3-годичных курсов в Казани, краткосрочных курсов в Нижнем Новогороде, Самаре, Саранске, Саратове, Симбирске.

В 1927 году вышла брошюра П.И. Калмыковой на мордовском языке «Коде Советской властесь вансты авань праватнень», где она изложила суть советских законов о правах трудящихся женщин, об охране материнства и младенчества, об участии женщин в социалистическом строительстве и в управлении государством.

А далее последовал перевод П.И. Калмыковой на работу в Ульяновский Губком ВКП(б) на должность инструктора по работе среди женщин. Вся её работа проходила в командировках по мордовским уездам. Основная направленность её деятельности была ликвидация неграмотности среди мордовских, татарских и русских женщин, с целью выдвижения их в дальнейшем на ответственную и руководящую работу.

С этой целью к сельским женщинам прикрепляли добровольцев учительниц, избачей или просто грамотных людей. Позднее были организованы «ликбезы».

Таким образом, уже «грамотные» крестьянки должны были вступать в борьбу за укрепление диктатуры пролетариата, поднятие народного хозяйства, кооперирование бедняцких и середняцких хозяйств.

Причиной продовольственных затруднений тех лет было признано отсталое мелкособственническое производство в деревне. Поэтому в декабре 1927 г. состоялся XV съезд партии, взявший курс на коллективизацию сельского хозяйства[19]. В колхозы должны были войти крестьяне с более - менее равными

паями. А в то время бедняцкие хозяйства, совхозы и кооперативы, даже вместе взятые, имели меньше товарных излишков, чем хозяйства «кулацкие». Поэтому «Государство вынуждено было применить к кулацким хозяйствам чрезвычайные меры». Сельские активистки, вместе с бедняками, под руководством членов компартии и комсомольцев находили у них большое количество хлеба, зарытого в погребах, под полом, под стогами сена, в поле. Кулаков ссылали, а отобранным хлебом снабжали города, где продукты стали выдавать по карточкам.

Социалистическая реорганизация сельского хозяйства в годы первой пятилетки (1928-1932 г.г.) происходила в обстановке острой классовой борьбы. Контрреволюционная агитация в Мордовии зачастую переходила в террористические акты. Противники насильственного обобществления частных наделов, уничтожали свой же скот, поджигали уже перешедшие колхозам помещения, верующие рассылали агитационные «святые письма» .

Много пострадало в эти годы от кулацкого террора и женщин-активисток. Убеждённые в единственно правильном пути, выбранном партией большевиков, они самоотверженно отстаивали их взгляды, не минуты не сомневаясь, что создают счастливое будущее для своих детей.

Так, в 1928 году зверски была зарублена топором член Никольского сельсовета Рыбкинского района мечтательница Катя Сорокина, в 1929году ножом в сердце убили в Саранске инструктора мордовского женотдела Шуру Матвееву и ранили ее подругу, шестеро женщин-членов партии погибли во время Ичалковского кулацко-эсеровского восстания в 1931 году.

С 1930 года в помощь деревне по призыву Коммунистической партии стали выезжать рабочие – «25-ти тысячники».

Наконец, при подведении итогов первой пятилетки, народу объявили, что на основе сплошной коллективизации с кулачеством а, следовательно, с эксплуатацией человека человеком в нашей стране теперь покончено навсегда.

*

Весной 1928 года Пелагея Ильинична Калмыкова в составе женсовета присутствовала на Губернском съезде мордовских работников, проходившим в волостном пристанционном большом селе Атяшеве.

На съезде обсуждался вопрос о создании Мордовского автономного округа в составе Средневолжского края, необходимость которого обуславливалась следующими положениями:

1. Чрезвычайной культурной и экономической отсталостью мордовского народа.

2. Сосредоточением в одном месте значительных масс людей мордовской национальности.

3. Тем, что автономия будет способствовать культурному и экономическому развитию мордовского народа.

Съезд, рупором которого была центральная мордовская газета «Якстере теште», подготовил материал, обосновывающий необходимость организации мордовской автономии для представления Правительству.

В 1928 году Мордовский округ был образован в составе Средне-Волжской области с центром в г. Саранск и Пелагею Калмыкову направляют в распоряжение Саранской Окрпарттройки на ответственную работу по линии женотдела.

Маленьким захолустный уездный городок Саранск с его дорожной грязью и свиньями в лужах напомнил Пелагее гоголевский Миргород. На первое время всех организаторов: комсомольцев, милицейских, профсоюзных работников поселили в вагончиках. Собрания же проводили в железнодорожном клубе ст. Рузаевка.

Постепенно, когда расквартировались сами и разместились с учреждениями, «энергично принялись за работу, началось активное строительство радостной счастливой жизни».

В эти годы причиной продовольственных затруднений было признано отсталое мелкособственническое производство в деревне. Поэтому в декабре 1927 г. на XV съезде партии, был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства. В колхозы должны были войти крестьяне с более - менее равными паями. А в то время бедняцкие хозяйства, совхозы и кооперативы, даже вместе взятые, имели меньше товарных излишков, чем хозяйства «кулацкие».

Поэтому «Государство вынуждено было применить к кулацким хозяйствам чрезвычайные меры». Сельские активистки, вместе с бедняками, под руководством членов компартии и комсомольцев находили у них большое количество хлеба, зарытого в погребах, под полом, под стогами сена, в поле. Кулаков ссылали, а отобранным хлебом снабжали города, где продукты стали выдавать по карточкам.

Пелагея Калмыкова вспоминает: «В первом пятилетнем плане в соответствии с общей генеральной линией Партии первоочередной задачей было развитие

промышленности на базе использования местного сырья и выращивания рабочего класса из коренного населения – мордвы.

В течение 1928 и 1929 г. г. была ликвидирована безработица среди кустарей-одиночек, из них организовались коллективные хозяйства…Было организовано из безработных ряд артелей: кондитерские, швейные, трикотажные и другие.

Ответом на заботу Партии и правительства явилась широкая волна социалистического соревнования, инициаторами его были передовые рузаевские рабочие, первыми выступившие в округе и вызвавшие на соревнование железнодорожников депо ст. Рязань…Появились отдельные ударники и ударницы на трудовом фронте...

Трудящиеся Мордовии в результате проведения ленинской национальной политики потянулись к учебе. В большинстве сел организовались ликбезы.

Распрямил плечи мордовский народ. Большая доля в этой огромной стройке падала на плечи женщин. Отдел работниц и крестьянок Мордовского Окружкома энергично взялся за поиск более эффективных средств подготовки женщин мордовок и татарок к общественной деятельности.

И тогда мы решили организовать «Дом мордовки»[20].

Мордовские женщины - активистки решили подобрать здание в Саранске, где бы 100 сельских женщин, прошедших ликбез, на полном государственном пансионе могли бы пройти начальный курс общеобразовательного обучения по специальной программе. Программа обучения предполагала техническую грамоту, политграмоту, приобщению к внешней культуре, обмену опытом. О том, где взять на осуществление этой идеи деньги, вопрос встал в последнюю очередь, и как назло, в этот момент, когда бюджет по Мордовскому округу на следующий год был уже утверждён. Но разгорячённую идеей Пелагею Калмыкову это не остановило: «А можно откладывать такой вопрос, как вовлечение женщин в дело строительства до будущего года? А можно еще на год отодвинуть выполнение такой важной задачи, как выдвижение женщин? И вообще – кто нам разрешит что-либо откладывать в долгий ящик?»[21]- поставила вопрос мордовская активистка перед Облисполкомом и была делегирована им в Москву, с ходатайством во ВЦИК.

Вместе с Калмыковой в Москву на слёт колхозниц-ударниц поехали лучшие мордовские работницы, взяла с собой Пелагея и приёмную дочку Наташу. Присутствовали на слёте и Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин, и председательГлавполитпросвета Надежда Константиновна Крупская.

Здесь Пелагее Ильиничне повезло лично пообщаться с обоими государственными деятелями, обсудить свои проблемы и даже сфотографироваться. Обстановка была очень простая, можно, даже сказать, домашняя.

Торопливо излагая свою просьбу Михаилу Ивановичу Калинину, Калмыкова неожиданно услышала тихий, заинтересованный голос «всесоюзного старосты»: «А вы не торопитесь, поподробнее расскажите… Дело очень интересное вы начали и правильное». Затем тов. М.И. Калинин кого-то вызывал, что-то говорил, и, наконец, мордовская делегатка услышала: «Ну, вот, тов. Калмыкова, Президиум ВЦИК удовлетворит вашу просьбу. Конечно, 50.000 рублей очень большие деньги, но я верю, что начатое вами дело оправдает дополнительные затраты. От души желаю всем вам успеха в работе»[22].

После слёта всех женщин отправили на поезде в Крым. Позже дочь Наталья вспоминала: «Помню вагон, куда мы с мамой пришли к Калинину. Он сидел за столом, приветливый, с бородкой. На столе – самовар. Калинин налил чай, угостил конфетами. Я подошла и сказала: «Дедушка, а почему у тебя козлиная борода?». Он расхохотался. Когда вышли, Пелагея постучала меня по голове: мол, глупая. Я обиделась».

Вскоре, в 1930 году, Мордовский округ был преобразован в Мордовскую Автономную область с 22-мя районами в составе Средне-Волжского края.

«Дом Мордовки», где слушательницы были на полном государственном обеспечении, просуществовал в Саранске пять лет. За это время 500 женщин-мордовок и татарок, пройдя обучение, были направлены на дальнейшую учёбу на рабфак, в техникумы. А многие из них прямо были назначены на ответственную работу в села: председателями сельсоветов, в кооперацию, на культмассовую работу.

С 1933 года «Дом Мордовки» уступил свои функции женским курсам с более широкой программой.

*

Была создана во вновь образованном Мордовском округе и единая окружная организация юных пионеров (1928г.). Пионерские коллективы формировались при школах. Форпост делился на отряды, а те - на звенья по 5-10 человек. Для детей издавались журналы на эрзянском и мокшанском языках « Пионерэнь вайгель» («Голос пионеров») и «Якстерь галстук» («Красный галстук»). Пелагея Ильинична и женсоветы активно участвовали в организации обучения, досуга пионеров, воспитывали в них чувство коллективизма и гордости за свою

молодую страну, прививали фундаментальные знания основ марксизма-ленинизма. Мордовская школа конца 1920-х годов была ориентирована на слияние обязательного среднего образования с трудом в индустриальном и коллективном хозяйстве. Дети помогали на колхозных полях, учились мастерить, вырезать по дереву, шить.

Однако, создание национальной школы сталкивалось с различными трудностями. Необходимо было научно разработать мордовскую грамматику, а затем перевести на мордовский язык новые учебники, литературу. Сложность заключалась и в том, что мордва говорила на разных диалектах. В конечном итоге, было решено придать двум диалектам статусы языков: мокша и эрзя.

Но все эти трудности преодолевались в то время на каком-то особом душевном подъёме, в ожидании создания чего-то раннее неведанного, но радостного и интересного. И наиболее активно в этом преобразовании преуспел бывший коллежский советник, любимец крестьянских детей из аряшской школы Макар Евсевьевич Евсевьев.

Одним из самых ярких воспоминаний о том времени у Пелагеи Калмыковой оставалось воспоминание о том, как в День пионерии она выступает на балконе белого дома администрации г. Саранска, а внизу на бывшей Базарной, а ныне Советской площади её слушает море детей в белых кофточках и ярко красных галстуках. В конце выступления её короткий восторженный возглас: «ура!», словно эхо разносится по всей площади мордовской столицы.

Советский учёный

Накануне Великой Отечественной войны Пелагея Ильинична закончила «Центральные курсы редакторов классиков марксизма-ленинизма» в Москве.

Основы знаний марксистко-ленинской идеологии должны были стать образовательным фундаментом для всех народов нашего многонационального государства и для всех сочувствующих представителей других стран. Поэтому высшие курсы готовили переводчиков – ретрансляторов партийных идей в широкие массы разноязычных рабочих и крестьян. Для учёбы привлекались представители руководящих органов, которые уже имели общеобразовательную подготовку в объеме комвуза и стаж практической работы в области переводов и редактирования. Курсы имели в своем составе 40 слушателей, поделённых на 11 национальные группы: туркменскую, таджикскую, узбекскую, киргизскую, крымско-татарскую, тюркскую (азербайджанскую), башкирскую и др. Приезжали

лучше понять коммунистические идеи и перенять опыт и представители других стран.

Жили учащиеся для своего времени в роскошных условиях. У каждого душевая, прихожая, рабочая комната, письменный стол, гардероб. При желании, возили их отдыхать на дачу. В столовой все блюда подавались запечатанными, с указанием на этикетках кто, где, когда приготовил.

Будущие специалисты и научные работники в области языкового строительства национальных республик и областей изучали, прежде всего, реформированный русский алфавит, за который отвечал Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита. Всерьёз обсуждались также вопросы по разработке и внедрению латиницы, которая, как ожидалось, должна была заменить привычную кириллицу в целях упрощения взаимопонимания народов. Русский язык преподавал известный в те годы лингвист Абрам Борисович Шапиро. Он предлагал отличнице П.И. Калмыковой аспирантуру по русскому языку, но ее интересовала больше политэкономия.

Для решения другого вопроса, связанного с разработкой правил письменности малых народов, учащиеся высших курсов выезжали в экспедиции (осетинская лингвистическая, крымская языковая, калмыцкая лингвистическая), в научные командировки в Чувашию, Татарию, Бурято-Монголию, ЗСФСР; работали непосредственно в республиках, например, по составлению мордовского деалектологического атласа, по переводу отчетных докладов Сталина Съездам и уставов сельхоз артелей, организовывали языковые конференции в Молдавии и Калмыкии[23].

В 30-е тревожные годы набирал силу фашизм по всему Миру, а скрывавшиеся от преследований коммунисты, получали прибежище в СССР. Преподаватели и слушатели курсов редакторов-переводчиков помогали им общаться, готовить публикации в журналах и газетах. Так на курсах вместе с Пелагеей Калмыковой из Мордовской Норки учились тогда литератор, будущий член Центрального комитета Коммунистической партии Чили Пабло Неруда, вождь болгарского народа Геóрги Михáйлов Димитрóв. Китайские товарищи, которые начинали «новый этап борьбы за язык и письмо в Китае»22 ,решали вопросы, связанные с развитием буквенной письменности в стране.

После московских курсов Пелагея приехала в Пензу, на родину мужа. Здесь начался новый этап её жизни: лектор, преподаватель строительного техникума, в годы войны начальник политотдела совхоза им. Сталина Терновского района, заведующая отдела пропаганды и агитации Северного райкома ВКП (б) г. Пензы.

На базе эвакуированного из Одессы института в Пензе в 1943 году был открыт Индустриальный институт. В его открытии был вклад и Пелагеи: она ездила в Москву, помогала решать организационные вопросы, подобрать кадры. Пелагея Ильинична Калмыкова возглавила в институте кафедру марксизма-ленинизма.

Она увлеченно работала, читала лекции, печаталась в научной периодики, писала кандидатскую диссертацию на тему «Учение И. В. Сталина об экономических основах разрешения национального вопроса». А ещё училась заочно на историческом факультете Мокшэрзянь государственного пединститута города Саранска.

По окончанию войны, Пелагее Ильиничне Калмыковой вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг».

А в 1948 году Пелагея Ильинична успешно защитила диссертацию, состоящую из двух глав: 1. Экономика мордовского народа при царско-капиталистическом строе; 2. Создание экономической основы для образования Мордовского округа и Мордовской Автономной области.

Горячее сердце

Вот такие невероятные работоспособность и энергия были в этой хрупкой мордовской женщине, которая, словно участница марафона, бежала всю жизнь без оглядки к ясно видимой цели. Она так и не стала хорошей женой, не нашла времени на рождение детей…на остановку не было не секунды. Но те люди, которых она встречала на жизненном пути, буквально заряжались от её большого и горячего сердца.

С большой любовью и благодарностью Пелагею Калмыкову вспоминает племянница Наталья Филипповна Прокина, для которой она стала мамой: «Надо сказать, она никогда ни о ком не забывала, всем старалась помочь. Порой рисковала, но пройти мимо горя, несправедливости не могла»[24].

Наталья Филипповна родилась у её сестры Ксении Ильиничны Прокиной, ур. Калмыковой в селе Мордовская Норка в 1924 году.

Ещё во время учёбы Ксении Калмыковой в Трироговской школе в Аряше, в неё влюбился младший сын Григория Владимировича Трирогова Владимир. Он сделал Ксении предложение, и они уже собрались пожениться, как Владимир трагически погибает.

По окончанию школы, как её братья, Ксения Калмыкова сначала поступила на фельдшерские курсы в Саратове. Но, вскоре поняв, что медицина - это не её призвание, пошла на филологический факультет Саратовского университета.

Сестра Пелагеи с большим энтузиазмом участвует в филологических экспедициях, которые организовывает Максим Евсевьевич Евсевьев, собирает фольклор мордовского народа. А затем, после окончания Ксенией университета, М.Е. Евсевьев вызывает её в Москву для учебы в аспирантуре, где она защищает диссертацию.

С 1931 года Ксения Ильинична преподаёт в Краснослободском педагогическом техникуме. Но вскоре у неё обнаруживают рак и три года спустя она умирает.

В помощь ещё к больной сестре и её дочери приехала старшая из сестёр Калмыковых Анна, продав отчий дом в Мордовской Норке. Затем приехала и Пелагея. Первое время Анна, сельская учительница, которой было уже 50 лет, занималась домашним хозяйством, а Пелагея работала редактором местной газеты, потом директором краснослободской школы.

После кончины сестры Ксении, Анна вернулась в Мордовскую Норку, построила там небольшой дом под соломенной крышей вместо родительского пятистенка под железной, а Наташа осталась жить с мамой Пелагеей.

Анна Ильинична завела хозяйство: сад, огород, птицу, пчёл.

Дом Анны в селе Мордовская Норка по-прежнему оставался родным для всех Калмыковых. К Анне Ильиничне обращались за помощью, здесь черпали силы для жизни, отмечали семейные праздники, здесь оплакивали умерших и не пришедших с войны.

Пелагея к сестре в Мордовскую Норку приглашала своих сотрудников, и хороших знакомых. А на летний отдых сюда съезжались братья, сёстры, племянники. Они все, бывшие крестьяне, получив образование, стали интеллигенцией, которую марксисты пренебрежительно называли «классовой прослойкой».

Однажды, когда Пелагея Ильинична по каким-то партийным делам приехала в село Славкино Пензенской области, она встретила там мальчика-сироту по фамилии Рузайкин. Чтобы помочь славному мальчонке, Калмыкова взяла его с собой в Москву и устроила в детский дом. Мальчик благополучно вырос, получил высшее образование, стал хирургом.

Ещё вспоминала Наталья, как во время войны её мама, будучи инструктором политотдела в Пензе, взяла на работу 12-летнего мальчонку Петю. Уж больно он,

широкоплечий, не по годам серьёзный, просился в кучеры, управлять лошадью по кличке Змеёнок. Худая, длинная лошадка, присланная с Московского ипподрома, заменяла партийным деятелям тогда автомобиль.

Отец Пети воевал на фронте, а у мамы на руках было семеро детей. Он-старший. Вот Пелагея Ильинична и уговорила начальство пристроить мальчика. Петя оказался настоящим мужичком - ответственным и хозяйственным, который чуть что, говорил: «но-но! Я лучше знаю».

Ехали они как-то вдоль железной дороги, недалеко от Терновки. Змеёнок встал и ни с места. Огляделись, а у самого полотна дороги, на откосе насыпи лежит женщина. Худенькая брюнетка в чапане с большими круглыми серьгами по русски совсем не понимала. С трудом её, кричащую и стонущую от боли, подняли и уложи в телегу.

Женщина по имени Феня с травмой позвоночника больше года прожила у Пелагеи. Она долго лежала в корсете, за ней ухаживали, лечили лекарствами и уколами.

Постепенно Феня начала понимать русскую речь, а потом и говорить по-русски стала. Вот тогда все и узнали её трагичную историю. Была она родом из Бессарабии. Жили неплохо. Молодая их с мужем семья имела большой виноградник. Но в 1940 году, когда Бессарабия вошла в состав СССР, началась коллективизация, «богатеев» раскулачивали. Феня оказалась в тюрьме, где ее при допросах били и повредили позвоночник. Когда началась Великая Отечественная война, заключённых перевозили с западных территорий в Сибирь. В поезде женщина постоянно кричала от боли, и пассажиры, устав от криков, выбросили её из вагона.

Когда освободили Бессарабию, Феня решила вернуться домой.

На войне как на войне

В начале войны в боях под Москвой погиб один из сыновей Ильи Федотовича Калмыкова Николай.

Ещё в возрасте 18 лет они с другом убежали на фронт, торопясь принять участие в сражениях гражданской войны. Свой день рождения, 23 февраля 1900 года теперь Николай праздновал одновременно с Днём рождения Красной Армии.

Не смотря на юный возраст, Николай Калмыков был уже к тому времени опытном наездником, уроки отца в Калмыкских степях прошли не зря. Поэтому на фронте он сразу стал героем, мастером конного пикового боя в Конной армии Будённого.

Воевал Николай Ильич на Украине под началом особоуполномоченного Реввоенсовета армии, легендарного А.Я. Пархоменко, известного как участника первой русской революции 1905 года в Луганске, участника установления Советской власти на Донбассе, начальника штаба Красной гвардии Луганска и организатора создания Луганской рабоче-крестьянской милиции, военкома Харьковской губернии

Свой боевой путь Николай Калмыков проскакал на коне с шашкой и пикой, вначале сражаясь против германских оккупационных войск и белоказаков атамана Каледина, а потом стал участником похода от Луганска к Царицыну, воевал против войск генерала П.Н. Врангеля. В мае 1919 года дивизии Александра Пархоменко, где служил Н. И. Крамаренко, поручают ликвидацию банд Григорьева, который называл себя «атаманом Херсонщины и Таврии». После напряжённых боёв в Северной Таврии бандиты и сам атаман Херсонщины были уничтожены.

Случилось Калмыкову и поучаствовать в советско-польской войне. Тогда основной целью Юзефа Пилсудского было восстановление Польши в исторических границах Речи Посполитой 1772 года, с установлением контроля над Белоруссией, Украиной, Литвой. Большевики же стремились к советизации западных губерний бывшей Российской империи Украины и Белоруссии. Но сражение1-й Конной армии закончилось поражением и её сняли с польского фронта. На восток вскоре отступила и вся Красная армия.

В конце декабря 1920 г. дивизия Пархоменко получила задание ликвидировать остатки банды Махно. В одном из боёв Николай Калмыков с товарищами попал в засаду. Но им всё же удалось вырваться. Началась погоня, во время которой в голову Николая полетела пика анархиста. Тяжело раненый Колмыков упал с коня, а отряд поскакал дальше. Николая Ильича обнаружила местная девушка, бывшая воспитанница балетной школы Петербурга из дворянской семьи. Она его выходила и стала потом женой. А комдив Александр Яковлевич Пархоменко вскоре был убит (3 января 1921 года).

У пары родилось двое сыновей Дима и Толя. Но постоянные ссоры из-за разницы менталитетов привели в итоге к разводу.

Впрочем, Николай никогда не забывал детей, помогал первой семье. Даже когда во втором браке у него родились ещё двое детей Стас и Рената, они часто отдыхали все вместе.

Нередко потом Буденный приглашал своих конников погостить к себе на дачу в Подмосковье, под Одинцово. Николая Ильича маршал всегда вспоминал как большого мастера пикового боя.

*

Героически сражался с фашистами в небе и другой сын Ильи Федотовича Калмыкова Павел.

Накануне войны он как раз закончил лётное училище в Ульяновске. Павел всегда очень любил технику, а с самого детства, сколько себя помнил, мечтал о небе. Сначала, правда, поступил в Днепропетровское лётное училище (Запорожье), откуда его отчислили из-за нелепого случая. Вот как описывает этот случай Наталья Филипповна Прокина: «…дядя Паша попросил у друга велосипед и поехал на базар, чтобы купить арбуз. Купил очень большой арбуз, сел на велосипед и поехал. Одной рукой взялся за руль, другой держал арбуз. А там гора очень высокая. Рынок наверху был, а училище внизу. И когда стал спускаться, понял, что не управляет велосипедом, а впереди идет женщина, полная такая. И чтобы ее не задавить, чтоб она не попала под колеса, он бросил арбуз, обнял ее и в таком виде ехал, а она бежала рядом. Было это с одной стороны - комично, а с другой — трагично. Выяснилось, что эта женщина — жена командира училища. Дядю исключили»[25].

Павел уехал в Ульяновск, где тогда работала старшая сестра Пелагея. Она и помогла парню поступить в Ульяновское лётное училище.

Павел был ещё ребёнком, когда отец Илья Федотович Калмыков умер у него на руках. Произошло это в голодном 1922 году. Они вдвоём ходили из Мордовской Норки за хлебом в Саратов. Где-то в поле вдоль той дороги и похоронили отца, основателя большой семьи героев Калмыковых. А могила затерялась.

Младших братьев Павла и Александра взяла к себе на воспитание сестра Ксения. Ксения Ильинична работала тогда уже преподавателем в Петровске. Она их учила, одевала, давала деньги на мелкие расходы.

По окончанию войны Павел Ильич Калмыков стал заведовать частью лётного училища Сталинграда. В Сталинграде он прожил всю оставшуюся жизнь и умер в начале 70-х годов. Сын Павла Калмыкова, как и его отец, стал военным лётчиком.

*

Самый младший в семье Александр Калмыков тоже героически сражался на фронте. Вернулся с фронта к семье в Пензу и к любимой педагогической работе.

Он, последний ребёнок появился у Ильи Федотовича и Агрипины Сидоровны Калмыковых в самые голодные годы. Чтобы малыш выжил, родители хотели сдать его в приют. Но Ксения умоляла родителей оставить Сашу дома. Она высылала им сначала деньги, а потом и забрала его в свою семью. Так и жили: куда Ксению Ильиничну переводили, туда и дети переезжали.

Когда Александр закончил Петровское педагогическое училище, Ксения отучилась в аспирантуре и с семьёй переехала в Саранск. Там в Университете Ксения Ильинична преподавала, а Сашя учился на геофаке. Женился на студентке.

В 1954 году под Пензой вырос промышленный город Заречный. Здесь Александр Ильич Калмыков стал директором местной школы. А потом и его дочь, переняв традицию, закончила МГУ и стала преподавать в строительной академии этого города.

Георгий Победоносец из Мордовской Норки

Ещё один сын Ильи Федотовича, Фёдор Калмыков, как и его супруга, имели множество медалей, были награждены Орденом Ленина. Во время Великой Отечественной войны хирург Фёдор Ильич работал в госпиталях, оперировал раненых. Скончался, заболев на фронте туберкулезом..

После школы в Аряше Фёдор (Федот) закончил фельдшерские курсы, а затем Саратовский медицинский институт. Работал хирургом в Саратовской губернии, в Ульяновске, в Зарайске, был знаком с Николаем Бурденко. Вместе с женой, хирургической сестрой они жили и спасали людей, в основном, в небольших селениях. Любил Фёдор Ильич охоту. Как - то убив волчицу, спас и выкормил её волчат, забрав домой. Подросших волчат Фёдор отпустил обратно в лес, но они периодически снова прибегали к дому. Один из этих молодых волков, заразившись от лесных собратьев бешенством, покусал пятилетнего сына Калмыкова Стасика и тот умер, несмотря на медицинский опыт родителей.

Второго своего ребёнка, дочку, они так уже берегли, что никуда одну не отпускали со двора. Но, однажды, когда её, типлично выращенную, няня всё же отпустила погулять в деревню, та подхватила какую-то инфекцию и тоже

скончалась.

Благополучно вырос в семье только третий ребёнок – сын Георгий, который закончив техникум, уехал в Заполярье. Георгий Фёдорович Калмыков, как и отец, на фронт пошёл в первых рядах. И также, как отец, домой с фронта уже не вернулся. Погиб Георгий в битве за Сталинград, похоронен на Мамаевом кургане.

На вершине Мамаева кургана в Пантеоне Славы по периметру стен красной мозаикой из смальты выложены приспущенные траурные знамёна, окаймленные чёрными лентами. На знаменах 7200 имён солдат, погибших в Сталинградской битве, среди которых есть имя и Георгия Фёдоровича Калмыкова. Над знамёнами, на оранжево-чёрной гвардейской ленте написаны слова: «Да, мы были простыми смертными, и мало кто уцелел из нас, но все мы выполнили свой патриотический долг перед священной матерью-Родиной!».

*

В XVIII веке южная граница России нередко нарушалась в результате набегов кочевых народов: калмыков, казахов, ногаев, крымских татар, вольных военно-разбойничных сообществ казаков. Особенно разрушительным был организованный крымским ханом Бахти-Гереем Кубанский погром в августе-сентябре 1717 года.

Попала под кубанский погром и среднеповолжская деревня Мордовская Норка: «взято в плен 130 мужчин и 51 женщина, убито семь мужчин, деревня выжжена. В следующем году в деревне было только 34 двора с 69 мужчинами и 71 женщиной».

Следствием тактики Петра Первого по выдавливанию кочевых народов на юг и восток от российский территории, стало строительство Царицынской оборонительной линии (Вал Анны Иоановны). Длинная цепь крепостей с гарнизоном в виде регулярных войск и переселённых с семьями казаков, должна была защитить Россию от посягательств врагов и перерезать один из маршрутов их нападения – Нагайский шлях.

Сейчас на мемориальной табличке на границе Городищенского и Иловлинского районов по трассе М6 о Царицынской сторожевой линии написаны такие слова:

"Царицынская сторожевая линия - крупнейшее оборонительное сооружение 18 века в Европе. Сооружена между Волгой и Доном по указу Петра Великого в 1718-1722 годах, протяженностью более 60 километров, она представляла собой ров и вал высотой до 10 метров, имела 5 опорных пунктов: крепость

Царицынская (на территории нынешнего Волгограда), крепость Мечетная, Грачевская, Донская и редут Осокорский. В годы Гражданской войны 1918-1920 гг. и Сталинградской битвы 1942-1943 гг. она сыграла значительную тактическую роль в боях с врагами нашей Родины." Как и посёлок Царицыно под Москвой, город Царицын на Волге поменял своё название на имя вождя революции. С 1925 года он стал называться Сталинградом.

В дни Сталинградской битвы вермахт использовал Царицынскую сторожевую линию как ориентир в степи, в немецких документах и топографических картах она обозначена как «Татарский вал». Высота над центральной частью города Сталинграда, «Мамаев курган», служила важнейшим звеном в системе обороны Сталинградского фронта. Стратегия заключалась в том, что та из враждующих сторон, которая займёт позицию на вершине кургана, сможет просматривать как панораму города в целом с важными объектами, так и заволжские степи, и переправы через Волгу. Битва за Мамаев курган решала исход сталинградской битвы, исход войны, быть или не быть России. Сто тридцать пять суток длилась битва за Мамаев курган: земля пропиталась кровью, покрылась металлом, весной на чёрном обугленном холме не выросла даже трава.

Наши защитники отстояли эту стратегически важную высоту, не пустили фашистов за историческую сторожевую линию, чем обеспечили решающий перелом в ходе всей войны и, в конечном счёте, окончательную победу над вермахтом.

Сейчас Мамаев курган - это священное место для всех народов России, для всех людей, кому дороги идеалы добра и справедливости. Теперь это «Курган Славы» с ансамблем - памятником величию духа воинов, которых в тяжёлую годину позвала на помощь Родина - мать. Это её образ, женщины -воительницы, навеки облаченный в камне, продолжает звать своих сынов, без разбора национальности и религий на защиту своей земли от непрошенных врагов.

В конце большой лестницы в 200 ступеней – по числу дней Сталинградской битвы, ведущей к пантеону и монументу «Родина - мать зовет!», справа от бассейна на «Площади героев», расположены шесть парных скульптур.

Композиции изображают участников битвы - сражающихся солдат и горожан. Главный скульптор ансамбля Евгений Викторович Вучетич высекал в камне подлинных людей, скрупулёзно изучив их подвиги и лица.

Так появилась и самая верхняя композиция «Два бойца, сбрасывающие в Волгу свастику и фашистскую гидру». Два советских воина, русский и мордвин, уничтожают фашизм в образе змея и разламывают свастику, низвергая их в

волжские воды.

Мордвин – это и есть Георгий Фёдорович Калмыков, Георгий Победоносец из Мордовской Норки.

ЧАСТЬ III

Бабушка Пелагея

Начало 1960-х годов. Пелагее Ильиничне Калмыковой уже за семьдесят. Аккуратная, неброско одетая, с гладко зачёсанными в пучок волосами, она всё же выделялась своей энергичностью среди тех кумушек – пенсионерок с потухшими взглядами, постоянно караулящих на скамеечке вход у подъезда. Было во всём её облике что-то правильное, уверенное, и, в то же время ласковое и внушающее доверие.

П.И. Калмыкова жила в рабочем посёлке Красный Строитель, который соседствовал по железной дороге с посёлком Ленино. Название «Ленино» получил в советское время подмосковный посёлок «Царицыно» по аналогии с городом Царицын, который стал потом Сталинградом. Новые названия городов и улиц, новые имена, новые памятники и архитектура - всё должно было стереть из памяти прошлое.

Оба посёлка были включены в 1960 году в состав города Москвы. Поэтому Пелагея Ильинична из Мордовской Норки, недавно выйдя на пенсию, могла себя с гордостью теперь считать москвичкою. Но гордиться ей, всю свою жизнь посвятившей компартии и женсоветам страны, мешало незаслуженное клеймо забвения и исключения из партии.

За окраину Москвы Пелагея Калмыкова попала вместе с семьёй сестры Ёлочки - Елены Ильиничны. Елена с конца 1930-х годов жила и работала педиатром в центре Москвы. Но московские коммуналки после войны стали расселять на окраины, размещая в бывших купеческих особняках различные советские учреждения. Вот так и оказались сестра с мужем (тоже мордвином) и дочкой в посёлке, который соединяли с её работой теперь 40 минут электрички. Рядом теперь жила и Пелагея. Только ей до работы было добираться совсем рядом: электричкой всего 10 минут до станции Царицыно.

Как не странно это звучит, московский почтовый адрес здешних жителей писался так: «Москва, ст. Царицыно, пос. Ленино», хотя между собой они всё же предпочитали считать, что живут в Царицыно. Со стороны жизнь эта выглядела

тоже странно: малоподвижная, в ветхих деревянных домах, или в бараках, которые постоянно горели, в окружении природных парков, рядом с пятикилометровым каскадом прудов, языческими курганами и огромного екатерининского дворцового комплекса, пребывающего в руинах.

*

До революции здесь был большой дачный посёлок. Двух-трёх этажные дачи строили, в основном, по модным тогда проектам русских теремов: с резными крылечками и наличниками на окнах, с мезонинами и сложными кровлями. Под дачи использовались и некоторые дворцовые постройки архитектора Баженова.

Между Царицынскими прудами и речкой Городенка участки располагались по окружности, из центра круга во все стороны расходились лучи тринадцати просек, а в серединке был луг для прогулок.

Катания на лодках, купания, ловля крупных щук, карпов, праздничные фейерверки, а зимой массовые катания на коньках и лыжах, - всё это не могло привлекать в Царицыно не только рядовых москвичей, но и знаменитостей. Здесь были дачи Бахрушиных, Морозовых, Тимирязевых, на огромной трёхэтажной даче «в шведском стиле» отдыхали известные литераторы, поэты, художники, музыканты: Ф.М.Достоевский, Ф.И.Тютчев, А.Н.Плещеев, И.А.Бунин, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. Н. Островский, М. А. Врубель, Андрей Белый, М.А.Балакирев, П.И.Чайковский, историк В.О.Ключевский многие, многие другие.

Излюбленным местом отдыха и развлечений у царицынских дачников слыл расположившийся на высоком холме слева от железнодорожной линии электрофицированный сад Бальтазара Дипмана. Отсюда открывался великолепный вид на каскад Царицынских прудов и дворцовые постройки, утопающие в густой зелени деревьев. Саксонский подданный приобрёл это дивное местечко под разбивку сада и строительство огромного трёхэтажного деревянного здания под ресторан, летнего театра и музыкальной веранды. Здесь угощали разнообразными блюдами русской и европейской кухонь. Пока взрослые играли в кегельбан, бильярд, танцевали, дети под присмотром воспитателей могли веселиться на детской площадке.

В театре сада Дипмана выступали актеры Художественного, Малого, Интернационального театров. Здесь пели Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, С. Я. Лемешев, играл Рихтер, танцевала знаменитая балерина Гельцер, дрессировщик цирка Дуров удивлял сообразительностью своих животных.

В советское же время сад "служивший местом развлечения сытой буржуазии" переименовали в "Ленинский", а вместо ресторана построили Дом культуры -

типовое клубное здание с колоннами.

Долго ещё стояла в Царицыно перестроенная до неузнаваемости дача председателя первой Государственной Думы С.А.Муромцева. В конце 19-начале 20 века это был двухэтажный дом с мезонином, террасами и башней. В доме было 13 комнат, прихожая, буфетная, ванная комната и даже ватерклозет. В большой центральной зале проходили концерты и музыкальные вечера.

Дачу в советские времена многократно латали, достраивали. В её комнатах, но теперь уже без удобств, поживало несколько семей, ютилась школа. Но дом этот каким-то мистическим образом продолжал притягивать к себе деятелей культуры. Здесь жил писатель Венедикт Ерофеев, автор нашумевшей поэмы 1970-х годов «Москва — Петушки». Здесь создавал свои русские былинные полотна известный художник Константин Васильев, по настоящему оценённый лишь после своей гибели. Дача Муромцева продержалась в Царицыно дольше всех. Она сгорела в начале 2010 года, навсегда похоронив в пепелище и старинные предметы быта, и экспозицию личных вещей талантливейших деятелей культуры, существовавшего здесь в те годы народного литературного музея.

*

В Ленино, которое в 1939 году получило статус рабочего посёлка, П.И. Калмыкова не так давно занимала должность ответственного секретаря по распространению политических и научных знаний при райкоме ВКП(б). Политических знаний и опыта у Пелагеи Ильиничны было более чем достаточно, чтобы передать их новому поколению. И она работала не покладая рук по агитации и пропаганде марксистко-лениннских идей среди местных рабочих, комсомольцев и пионеров.

К этому времени ещё не высохли слёзы жён и матерей, оплакивающих своих мужчин, не пришедших с фронта. Но Пелагея делала всё, чтобы их дети твёрдо знали, что теперь уже совсем скоро страна окончательно очнётся после тяжёлых потрясений, наладит быт, ещё две-три пятилетки и народ придёт к наивысшему благосостоянию, ко всеобщему изобилию. Выступая, как когда-то в Мордовии, перед пионерами в белых рубашечках с красными галстуками, Пелагея Ильинична восторженно говорила, что именно им предстоит закончить коммунистическое строительство, которое начинали их деды, защищали их отцы. Объясняла, что бесплатные обязательное образование, медицина, жильё, детские сады, лагеря отдыха, степендии студентам сейчас, и вскоре - постепенное снижение цен, налогов с населения, отмена оплаты коммунальных услуг и повышение качества приведут к переходу от социалистического

принципа распределения по труду, к коммунистическому: «от каждого по возможности, каждому по потребностям»[26].

Теперь же, в начале 60-х годов, когда уже и героический Сталинград утратил своё имя, Пелагею Ильиничну не редко можно было застать в посёлке где-нибудь во дворе, за бытовой беседой с женщинами. Она, всегда принципиальная и бесстрашная, после доклада на XX-м съезде КПСС, где Никита Сергеевич Хрущёв поставил перед делегатами вопрос об осуждении культа личности И.В. Сталина, возмутилась тем, что тот при жизни вождя не просто молчал, а, стараясь польстить ему, выплясывал гопак и перевыполнял план по розыску "врагов народа" на Украине: «Где же Вы были, Никита Сергеевич, раньше? Плясали под дудку Сталина, а после, когда его не стало, принялись критиковать?». В результате, партбилет её заставили положить на стол, перечеркнув этим весь смысл такой тяжёлой, но полной радостных надежд жизни. Гуляя, она предпочитала те царицынские дворики, которые выросли в глубине новых 2-х и 4-х этажных кирпичных домов, построенных уже после войны. Их было в Царицыно всего несколько на улице Солнечной. И ничего, что большинству их обитателей по прежнему приходилось раз в неделю посещать местную общественную баню, зато в этих домах были уже настоящие квартиры (не считая коммуналок в подвалах), а на первых этажах разместились продовольственные магазины.

В баню ходили дружно, выстраиваясь в очередь: вторник, четверг – женщины; среда, суббота – мужчины. Пятница была «солдатским днём». Теперь, когда посёлок Ленино стал тоже Москвой, жильё должно было соответствовать современному, благоустроенному. Поэтому здесь разместили стройбат, начавший застройку микрорайона из «хрущёвских» пятиэтажек, как в Черёмушках. С утра солдаты выстраивались на плацу по улице Весёлой, а затем строем, под марш «Прощание славянки», взвод за взводом с вениками под мышками выдвигались по направлению к бане на улице Солнечной. Обратно маршировали уже расслабленные, с широкими улыбками на раскрасневшихся лицах, провожая задорными взглядами проходящих по тротуару девушек.

Несмотря на нововведения, продовольственных магазинов в посёлке всё равно не хватало. Слух о каждом привезённом товаре вмиг разлетался по дворам, и люди начинали стекаться к магазинам со всех сторон, образуя у финиша две длинные очереди: к прилавку и в кассу. Если привозили свежее молоко - шли с разноцветными бидонами, если кефирчик, ацидофилин или простоквашу – с пустыми бутылками на обмен, сложенными в авоську.

Картофель, капусту, морковь и свёклу покупали в овощном отделе, где постоянно стоял запах земли и сырости, а продавщицы в обрезанных перчатках

и почему-то всегда с ярко красным маникюром взвешивали овощи на весах в пластиковых ведёрках. А затем взвешенное ссыпали через отверстие на прилавке в подставленную покупателем раскрытую сумку, чаще сшитую для этой цели самостоятельно. Не мытый, видимо для упрощения работы на базе и для увеличения веса, картофель был весь залеплен мокрой землёй, поэтому трудно было заранее определить его размер и наличие гнилых клубней.

«Торговыми богами» были мясники. С ними самые активные водили дружбу, но а те, что поскромнее, довольствовались косточками с наростами из заветренных мясных остатков, что печально лежали в лотках за стеклянной витриной - холодильником. Зато мясной отдел выделялся среди других огромной во всю стену картиной, изображающую схему разделки говяжьей туши.

За тёплым, очень вкусным хлебом посылали обычно детей, которые неся его домой двумя руками, по пути непременно откусывали хрустящую горбушку и выковыривали пальцем ещё горячий мякиш.

Особым событием было поступление в магазин гречневой крупы. В этот день, казалось, выстраивались в очередь представители от всех семей посёлка, и стоящие не в первых рядах очень волновались, как бы на них крупа не закончилась. Фактически так долго, конечно, никто не стоял. Для отслеживания порядка в очереди находились добровольцы - общественники из её числа, которые на руке вновь подошедшего химическим карандашом проставляли номер очереди. Дождавшись следующих по очереди, человек мог отойти. Чтобы хватило гречки большинству, давали в одни руки по килограмму. Поэтому не редко на руках очередного покупателя появлялось несколько номеров подряд, а к прилавку уже подходили все домочадцы, которых по головам сверяли с написанными числами. До самого финала мероприятия главным было не замочить руки.

Но к большим праздникам: Дням рождения, Новому году, 8 марта, 23 февраля, и обязательно к 1 мая и 7 ноября столы в каждой семье ломились не только от собственных засолов, но и от деликатесов: сырокопчёной колбасы, салата оливье с докторской колбаской и консервированным горошком, солёной красной рыбой, а если повезёт, даже бутербродов с красной икоркой. Всё это не редко продавалось в праздничных заказах тем, кто работал ближе к центру Москвы, каждое утро выстаивая очередь в кассу за билетом на пригородный поезд и ещё в киоск - за свежей газетой: политинформация перед рабочим днём была обязательна.

*

В один из таких похожих друг на друга будничных дней, мимо скамейки возле подъезда четырёхэтажного «красного» дома, где сидели, явно скучающие на заслуженном отдыхе женщины, пробегали вприпрыжку две девочки, лет восьми. Выскочив из калитки двора двухэтажки, что находилась сбоку, подружки громко и весело щебетали друг с другом. Они спешили в «зелёный магазин», путь к которому лежал через этот представительный двор работников железной дороги. В кулачках веселушки зажимали по пятаку, которые выдали им бабушки на покупку кукурузных хлопьев без сахара, только что, по слухам соседей, завезённых именно туда.

Девочки знали, что следует к «зелёному магазину» ходить в обход, через улицу, жители здешнего дома очень ругаются, когда посторонние пытаются таким образом сокращать себе путь. Однако, в предвкушении скорого приобретения коробочки с вкуснейшим лакомством, они всё же решили рискнуть и пробежаться напрямик. Но тут им снова не повезло: со скамейки у подъезда в спины зло и резко понеслась очередная ругань. Подружки замолчали и собрались, было, пуститься в галоп, как вдруг одна из сидящих женщин, перебивая других ласковым, но очень уверенным голосом, подозвала их к себе.

Бабушка Пелагея, как представилась женщина девочкам, спросила, как их зовут, в каком классе учатся, чем увлекаются, любят ли петь и танцевать. Девчонки очень удивились, но охотно отвечали на вопросы незнакомой бабушки, рассказывая наперебой, какие знают стихи и песни, как учатся играть на пианино, что любят прыгать с мячом «в вышибалы» и играть во дворе в театр, перекидывая через натянутую между деревьев верёвку лёгкое покрывало, изображающее сценический занавес. Бабушка Пелагея внимательно их выслушала и пригласила на «праздник двора», который, по её словам, должен состояться в следующее воскресенье[27]. К празднику следовало выучить пару концертных номеров и быть готовым к различным спортивно-игровым конкурсам.

На прощанье Пелагея Ильинична широко улыбнулась, и подружки, выкрикнув «большое спасибо», поскакали дальше с утроенной радостью, на ходу подбирая репертуар для выступления на предстоящем празднике.

Парк прошлого

Привыкшая быть всегда на виду, постоянно прибывавшая в заботах и общественных делах, Пелагея Ильинична медленно приспосабливалась к роли

забытой этим обществом пенсионерки.

Пелагея училась теперь размышлять в одиночестве. Она часами, порой, бродила по старым аллеям Царицынского парка, мысленно возрождая в памяти прожитые годы, которые так быстро проплыли по бурной реке советской истории.

Огромный парк, окружающий руины недостроенных ещё в XVIII веке дворцов, представлял собой заросший кустарником лес, который пересекала горбатая дорога из красного кирпича для проезда карет. Старый кирпич, конечно, уже раскрошился, но, постоянно втаптываемый в твёрдую глину проходящими по нему ногами, всё ещё продолжал выполнять функции пешеходной дороги. С остовов дворцов и парковых построек, на которых росли цветы и берёзки, постоянно сыпались камни, угрожавшие нешуточными травмами присевшим за их прикрытием по надобности.

В парке всегда было тихо до боли в ушах. В окружающих его посёлках и деревнях народ был всё время занят: в будни дети учились в школах, взрослые ездили на работу в Москву, а в единственный выходной день занимались домашним хозяйством и своими маленькими огородами. Оживал парк по воскресеньям лишь за счёт небольших групп, приезжающих по железной дороге отдыхающих москвичей, любителей летом покупаться на нижнем пруду, а зимой покататься на лыжах. Так что, иной раз, Пелагея Ильинична, во время будничной прогулки никого даже не встречала.

Говорили, что Екатерина II выкупила эти красивейшие места, под названием деревня «Чёрная грязь» у князя Кантемира под строительство своей летней московской резиденции, после того, как местные грязи помогли ей от сильных болей в суставах. Может правда, а может легенда, но Пелагею это наводило на мысль, что лечение недоступными теперь курортными грязями очень не помешали бы и ей сейчас. Организм, всю жизнь терпевший невероятные испытания, расслабившись, начинал давать сбои по всем фронтам.

Проходя мимо разрушенной парковой церкви[28], приспособленной под трансформаторную будку, мелькнули воспоминания о том, как папа читал молитвы, а мама потихоньку - заговоры, когда она ещё ребёнком болела, лёжа на печке родительского дома в Мордовской Норке. Но сейчас и молитвы не помогли бы, ведь она давно уже поменяла веру в Бога и потусторонний Рай на веру в скорое земное коммунистическое завтра.

*

Старший брат Пелагеи, сын Калмыковых Иван первым закончил школу Трироговых в Аряше, затем сдал экстерном в г. Петровске Саратовской губернии экзамены на церковно-приходского учителя и духовную семинарию в Пензе, которую тоже оплачивал ему Дмитрий Иванович Менделеев. Женился на крестьянке из села Мордовская Норка, родили дочку. С 1905 года Иван Ильич принял священный сан, которому не изменял и после революции. Младшие Калмыковы, вступившие в партию большевиков, сначала уговаривали Ивана отречься от Бога, но получив категорический отказ, отвернулись от брата. Даже мать, чтобы не скомпрометировать остальных детей, иконку-складень, подаренный старшим сыном - священником передарила верующему соседу. В итоге Иван был арестован органами ОГПУ, сослан на Соловки, где, сплавляя лес, сильно поранился, попав под бревно.

Служению церкви посвятили себя и две племянницы Пелагеи Ильиничны, Павла Михайловна и Ольга Михайловна Калмыковы, уехавшие в Москву в 1932г., которые многие годы трудились в Елоховском соборе патриаршими просфорницами. К концу жизни они обе приняли монашеский постриг: Ольга Михайловна с именем Матушка Серафима, а Павла Михайловна – с именем Матушка Параскева. Матушка Параскева не дожила до своего векового юбилея 2 года и скончалась в 2012 году. Священниками в Москве стали сын и внук Параскевы, еще один внук – диаконом.

Племянник Пелагеи Дмитрий Михайлович Калмыков после окончания курсов псаломщиков при крестовой церкви в Саратове, был определён псаломщиком к Михайло-Архангельской церкви в родной Мордовской Норке. Когда церковь закрыли, работал в Саратове по разным специальностям. Всю Великую Отечественную прошёл рядовым, а вернувшись с фронта, был назначен псаломщиком в Русскую Норку. Вскоре Отец Дмитрий стал настоятелем норкинской церкви, а параллельно руководил церковным хором и благоустраивал храм.

Сёла-соседи Мордовская Норка и Русская Норка, разделённые этническими корнями, растянулись в Поволжской лесостепи вдоль правого берега речки Норка. Местность же между этими сёлами - не обычная. Она с давних пор славится целебными родниками, святыми источниками - как их стали называть после православного крещения. А именуется урочище почему-то «Семь Ключей» или «Семиключье», хотя родников здесь гораздо больше.

Вода в этих многоводных родниках не обычная: целебная, везде разная по вкусу и с приятным ароматом. Сюда всегда стекались за исцелением жители всех окрестных сёл, не зависимо от вероисповедания, и даже приезжали издалека. Раньше здесь находилось Святилище Ведь Авы (морд. Владычицы воды) – «Козьи

моляны». Хранителем же этого священного места был прадед Калмыковых, мордвин–эрзя, пасечник дед Макар.

До Пелагеи Ильиничны доходили слухи, что партийные органы ввели строгий запрет на пропаганду Отцом Дмитрием паломничества на «Семь ключей». Дмитрий Калмыков долго сопротивлялся этому положению властей, но с государством не поспоришь. От прихода в родной Норке его отстранили.

«Чем же прогневали Бога мои родные и многие другие святые соотечественники, - думала Пелагея Ильинична, что получили такую жестокую судьбу? А раз нет справедливости, - рассуждала она, - то нет и Бога». В правоте этого большевистского постулата она неоднократно убеждалась и на примере своей жизни. Но совсем без веры человеку жить невозможно. Поэтому она теперь жила верой в мудрость партии и советского правительства, безраздельно верила в торжественно провозглашённый Никитой Сергеевичем Хрущёвым лозунг с трибуны XXII съезда в октябре 1961 г.: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». Глава партии и правительства даже указал конкретную дату: 1980 год!

Да и как было не верить в эту эпоху « Хрущёвской оттепели», когда наши солдаты разгромили фашизм, учёные получили грозное атомное оружие для обороны от посягательств врагов, запустили первый спутник и первого человека в космос! Кто, как ни наш многострадальный народ заслужил право на счастливую жизнь? Осталось совсем немного, духовно всем приблизиться к библейскому понятию совести !

Первые зачатки этого коммунистического общества Пелагея уже, как ей казалось, видела вокруг: скоро, пишут, совсем покончим с преступностью с рабочих мест никого не увольняют – все обязаны трудиться. Тружеников награждают, лодырей порицают на народных собраниях, тунеядцев сажают. На столах рабочих столовых даже появились корзиночки со свежим хлебом, стояли соль и перец, - всё бесплатно для тех, кто в обеденный перерыв самостоятельно с подносом в руках выбирал первое, второе и третье блюда, оплачивая затем в кассе звенящими в кошельках копейками, а на вредных производствах, что-то и бесплатными талонами.. Но, главное, страна крепко вставала на ноги: спад производства, вызванный войной и послевоенной реконструкцией, сменились экономическим подъёмом, быстро росла производительность труда, активизировалась борьба с бюрократией, республики получали большую самостоятельность, а с партийных трибун взывали: «Догнать и перегнать Америку!».

«Только бы вернуть партбилет, только бы дожить, до этого обещанного долгожданного завтра», - думала Пелагея Ильинична, садясь на единственный в посёлке горбатенький автобус «Аннушка». В автобусе, как и на другом городском транспорте тех лет кондукторов уже не было. Они уступили своё место ящику для опускания монет и катушки для самостоятельного отматывания билета. Контролёрами оплаты проезда теперь выступали сами пассажиры, которые следили во все глаза за манипуляциями каждого вновь входящего.

Подружки

В двухэтажном царицынском доме, построенном после войны немецкими военнопленными, подружки Елька и Маринка жили на разных этажах. Родители их уезжали с утра на ответственную работу в Москву, а девочки оставались дома с бабушками и жили жизнью посёлка. У обеих были собачки, за которыми бабушки ухаживали и выводили на прогулку; у обеих были волнистые попугайчики, которых все домочадцы учили небезуспешно разговаривать; обе учились играть на пианино: Маринка-дома с учительницей, а Елька ходила на занятия в Дом культуры, который размещался в Третьем кавалерийском корпусе Царицынского парка. Красивейшее круглое здание со стрельчатыми окнами архитектора-масона Баженова было занято тогда районным Домом культуры с кружками и кинотеатром. Ельку преподаватель очень хвалил за то, что она играет, тонко чувствуя музыку, хотя ленится учить домашние задания. Поэтому бывало, называл её Ленькой.

Настоящая же музыкальная школа была в «Красном строителе», где и жила Пелагея Ильинична, и куда надо было добираться на электричке. Поэтому эту школу посещали дети постарше и поупористее в своих стремлениях, да ещё те, чьи родители считали возможным оплачивать её своим детям. Одним из таких целеустремлённых талантов был, например, сосед девочек со второго этажа – старшеклассник, который учился играть на трубе.

Из руин парковых построек, помимо Кавалерийского корпуса был восстановлен ещё Хлебный дом - первоначально кухни и хозяйственные службы усадьбы. В XIX в. здесь работала больница, потом помещения сдавались внаём. В советские же времена в Хлебном доме работала артель инвалидов, производившая краску, возникли коммуналки с туалетами на улице, где жили и рабочие, и крестьяне, и интеллигенция: учёные, инженеры, деятели культуры, - все были равны. Здесь бок о бок соседствовали теперь и милиционеры и преступники. В одной из этих

квартир жила одноклассница Лены (так правильно звали Ельку в школе). Комната у них была очень маленькая, узкая и тёмная. А стены были такие толстые, что на подоконнике можно было лежать как на кровати. Древние стены были пропитаны сыростью, запахом плесени и ещё чего-то кислого и не свежего.

Но всё-таки жильё это представлялось Лене куда более интересным, чем жизнь в подвале их с Мариной дома на перекрёстке улиц Весёлая и Солнечная. В двух подвальных комнатах жила многодетная семья татарина-дворника. Ещё в одной комнате - деревенская пара из чувашской диревни с сыном и старшей, уже замужней дочерью. Посреди этого всегда тёмного и сырого помещения стоял квадратный стол, а вокруг него вдоль стен – кровати супругов и мальчика-школьника. Четвертая комната принадлежала низенькой, полной, всегда сильно накрашенной женщине с двумя сыновьями 16 и 9 лет. В доме никто не знал, кем женщина работала, был ли у неё когда-то муж, но к ней нередко захаживали солдатики со стройбата. Поговаривали, что за небольшую плату, они хранили у неё свою гражданскую одежду, в которую переодевались, уходя в увольнение.

С «привилегированными» детьми из квартир на этажах «подвальные дети» не дружили. У них был какой-то свой тайный круг общения. Мальчишки ходили с ножами, рогатками, с кусочками карбида в карманах. Иногда они собирались с приятелями из «красного дома», а порой даже устраивали «слёты» в Царицынском парке с единомышленниками из соседних с посёлком бывших деревень Орехово и Борисово. [29] Между собой при «чужаках» они с гордостью общались на зашифрованном языке - абракадабре, скороговоркой добавляя после каждого гласного звука определённое буквенное сочетание. К «надземным» детям «подвальные» общались свысока, хотя и с явно скрываемой завистью, нередко подстраивая им всяческие козни, со знанием дела посвящая малышей во взрослые тайны, и беря дань за каждый мячик или игрушку, случайно оброненные за наземные решётки, прикрывающие подвальные окна.

Как правило, учились эти дети плохо, оставаясь на второй год, а то и вовсе бросая школу. Поэтому перед местной комсомольской организацией постоянно вставал вопрос заставить недоучек получить аттестат о среднем образовании хотя бы потом, в школе рабочей молодёжи после их трудоустройства. Но это тоже не всегда удавалось, так как учёба этого молодёжного контингента, бывало, заканчивалась колонией.

Школа рабочей молодёжи посёлка Ленино располагалась в трёхэтажном кирпичном здании. Занятия шли в третью смену. В то время как старшеклассники учились здесь в две смены: часть - с утра, а часть - после обеда. До войны это здание почётно называлось «Красной школой».

Начинались уроки старшеклассников с политинформации. Физкультура проводилась на улице: в тёплые дни играли в футбол, волейбол на спортивной площадке, а зимой устраивали гонки на лыжах. После уроков занятий тоже хватало: собирали по улицам металлом, ходили по домам в поисках макулатуры. В то время было очень развито Тимуровское движение: ходили за продуктами старикам, читали слабовидящим книжки. В выходные дни ходили в походы. А к 9 мая обязательно встречались с ветеранами Отечественной войны.

Ученики же начальных классов, в числе которых были и наши подружки Елька и Маринка, ходили в школу №1, с трудом помещавшуюся в бревенчатой избе с печным отоплением.

При входе в школьную избу ученика постоянно встречали распахнутые двери туалетов (видимо для проветривания), а в классах, расположенных по одной стороне узкого тёмного коридора, плотно друг к другу стояли чёрные исцарапанные всевозможными надписями парты с вставленными в них открытыми чернильницами. Уйти домой с уроков не перемазанной фиолетовыми кляксами было практически не возможно. Лена помнит, как сидя на первой парте за печкой, заучивала, что лево - это там, где окна, а право – там, где дверь. Да сих пор, когда в разговоре надо упомянуть какую-либо из сторон, она мысленно возвращается в этот свой класс из далёкого детства .

Звонок с урока и на перемену был тогда ещё настоящий, механический. Большой медный колокольчик висел в конце коридора и «сторожиха» по будильнику чётко отслеживала, когда надо в него звонить.

На переменах из классов выходили редко: в помещении школы места не было, а на улицу лень было одеваться. Из-за того, что надо было в короткие 10 минут между уроками немного размяться и снять напряжение, в классе постоянно шли потасовки, стоял крик и визг. Доходило, порой, и до драк, последствия которых разбирались на классном часе или вызовом родителей.

Только в редкие тёплые денёчки ранней осенью и поздней весной на переменах радостно носились по полянке возле школы так, что требовалось несколько минут, чтобы потом отдышаться за партой.

Правда, под школу № 2 было отведено здание посолидней. Оно размещалось тоже в дореволюционном доме - бывшей резной даче с красивой поляной перед крыльцом, на которой в тёплую сухую погоду проходили уроки физкультуры. Недалеко, ещё в одном уцелевшем дачном «буржуйском» доме с резными окошками и верандой была детская библиотека – место с его тишиной и обилием интереснейших, красочных книжек, в глазах наших подружек, почти священное.

Самые интересные игры детей, живущих по правую сторону от железной дороги, проходили в Аршиновском парке. Так называлась большая живописная незастроенная территория, ограждённая вдоль дороги кустарниками всевозможных сортов боярышника. С противоположной стороны парк упирался в высокие холмы и небольшую речушку, похожую на быстрый весёлый ручеёк с весенней открытки. Вот где было раздолье: большие цветные поляны, чередуясь с бархатной зелёной травой, тянулись до самого горизонта. Общую их гармонию нарушали только редкие сосны и небольшой пруд.

Парковая природа и безлюдность привлекали сюда любителей утренних пробежек, а в послеобеденное время детвору со всех окрестных дворов . Дети здесь буквально преображались. Куда-то уходили напряжение и недовольство друг другом, глупые подшучивания уступали место интересным групповым играм, которые долго ещё прокручивались в головах перед сном. Это были активные «казаки-разбойники», «12 палочек», «вышибалы с мячом», «бояре» и более спокойные «шарады», «колечко». Некоторые девочки приходили сюда со своими бабушками, которые следили за общей дисциплиной, обучая детвору правилам тех старых народных игр, в которые когда-то играли сами, играли так давно, что не понять, то ли те годы были миражом, то ли миражом было то, что их окружало теперь.

Этот когда-то прекрасный парк [30] у речки Городенки создал ботаник, болезненный сын одного из здешних дачников, купца 1-й гильдии Василия Фёдоровича Аршинова. В парке когда-то были посажены им редкостные растения и деревья. А участок под дачу Аршиновы взяли в аренду в так называемом Петровском посёлке, где земля принадлежала зарайскому крестьянину (!) Василию Петровичу Петрову.

Ленька на первых уроках, чаще, учительницу не слышала, делала всё автоматически, погружаясь в себя, словно ещё досматривая прерванный утренний сон.

Маринка, была более сознательной, училась на пятёрки. Выполнение ею домашнего задания до того, как пойти на прогулку, тщательно контролировала старенькая бабушка-литовка, говорившая с сильным акцентом. А вечером правильность сделанных уроков проверял строгий отец – бывший фронтовик, управляющий каким-то строительным трестом. По национальности он был евреем, но очень гордился тем, что родился и вырос на Украине, в Виннице. А когда семьи девочек – соседок в выходные и праздники собирались вместе за обеденным столом, маринкин папа громко с большим чувством пел украинские песни, как он говорил, «на родном языке».

Подружки не редко ругались между собой из-за того, что Лена утверждала, что Марина никак не может быть русской, если у неё родители и бабушка совсем других национальностей. Хотя при этом сама была в недоумении, так как собственная бабушка, родом с Украины может утверждать, что русская, а не украинка. Маринка после этих разговоров обижалась и говорила, что верит только своим родителям, а не Ленке, которая «после таких слов сама не русская».

Примирение

Окончательно примирились подруги лишь 55 лет спустя, когда встретились снова в Царицынском парке.

Тогда и выяснили, что бабушка у Марины была ей не родная. Это была пожилая литовка с трудной судьбой, которая в разгар бурных революционных событий с мужем и сыном оказалась в России. А потом мужчины погибли, и одинокая женщина стала помогать растить сначала соседского мальчика – старшего брата Марины, а потом и её саму. Семья так привыкла к своей няне, что предложила ей переехать вместе с ними в новую царицынскую квартиру. То, что бабушка не родная, было решено дочке не говорить. Для неё она так и оставалась при жизни родной, заботливой бабулечкой.

Тогда выяснили и то, что у Лены бабушка Мария была родом из Новороссии, с Херсона, где коренное население - русские.

Изначально Херсон строился по приказу Екатерины Второй в нижнем течении Днепра, где были заложены Херсонское адмиралтейство и верфь для строительства парусных кораблей. В дальнейшем этому городу выпадет честь стать колыбелью черноморского флота России[31].

После разгрома Петлюры в Гражданской войне, большевики во главе с В.И. Лениным приняли решение объединить бывшие губернии Новороссии и Малороссии в одну Украинскую Советскую Социалистическую республику (УССР). При этом большевики, захваченные идеей создания большого социалистического государства и мечтой о мировой революции, меньше всего думали о мнении народа этих губерний, предпочитая резать по живому. Тогда казалось удачным решением объединить во многом националистически настроенных украинских сепаратистов с патриотичной Новороссией. К тому же вполне целесообразной казалось новым строителям жизни и идея объединить в одно искусственное образование соседей аграриев - малороссов и

промышленников – новороссов. В то время как сами русские жители Новороссии категорически не хотели становиться частью новопровозглашённой Украины. Так, перепись населения, проведённая в 1923 году, насчитала в Херсоне всего 5,5 тыс.человек, считавших себя украинцами, то есть 13,4 % от общего числа населения города.

Как раз после того, как Украинская ССР вместе с Белоруссией, РСФСР и Закавказской СФСР подписали договор о создании Союза Советских Социалистических республик (СССР), в декабре 1922 года, бабушка Лены и приехала в Москву. Вот почему та злилась, когда внучка донимала её, умничая с детской бескомпромиссностью, мол, раз с Украины приехала, значит, украинка.

В Москву бабушка приехала с семьёй брата, спасаясь от голода на Украине 1921-1923 годов. Так что почтовые марки в те годы в помощь голодающим выпускали не только для Поволжья, но и для Украины, а точнее голод был по всей хлебной Окраине (Украине) бывшей Московии.

Бабушка часто с ностальгией рассказывала внучке о родном городе, рисовала по памяти дом своей мещанской семьи, вспоминала, как встречали Николая II, как в сезон отлавливали детьми плывущие по Днепру кавуны[32], тут же разбивая их, и лакомясь сладкой прохладной мякотью.

Во время войны 1941-1945 гг. они с дочерью пешком ходили в гости со станции Люблино на Садовое кольцо к семье старшего брата Филиппа Золотого. Филипп Гаврилович работал кремлёвским кондитером, был знаком и даже дружил со многими историческими личностями. Вообще херсонская семья у бабушки Марии Гавриловны была интересной. Её родители создали семью общую уже не молодыми, когда оба овдовели и имели за плечами по нескольку детей. Дети одного из родителей носили фамилию Золотые, а другого – Копейкины. Мария стала единственной их общей дочерью, поэтому её звали «золотая копеечка». Грудного же черноволосого младенца, которого назвали Филя, родители нашли в корзинке на своём крылечке. Подкидыш вырос кудрявым и горбаносым. Кем были его биологические родители, то ли цыгане, то ли турки, так и осталось для всех тайной. Херсонская семья бабушки, вместе с другими семьями Страны Советов делила все её радости и невзгоды. Мужчинам досталась слава победителей в Великой Отечественной войне, женщинам – забота о рождённых детях и внуках. Горьких дней тоже хватило: были и голодные смерти, и гобель от рук фашистов, и репрессии.

Так сложилось, что с середины 1970-х годов Лене самой пришлось пожить на Украине. Она вышла замуж за партийного работника. Поработав на Донбассе, в Киеве, побывав в Закарпатье, она поняла, насколько разный там народ по языку,

своим культурным ценностям, занятиям и социальным понятиям.

Олэна, как теперь именовали Елену в документах, так и не смогла смериться с тем, как искусственно выведенные за два поколения украинцы Центральной Украины, не выучившие навязываемый властью украинский язык, зато забывшие правильный русский, общаются на суржике, каждый по-своему смешивая и коверкая при этом слова. Она, «кацапка», за долгие 9 лет жизни в киевской области устала отвечать на многочисленные вопросы: почему в России не изучают украинский язык, а их заставляют изучать русский; почему овощи с полей и фрукты с колхозных садов отправляют прямиком в Москву, и «сколько мы вас, дармоедов, кормить будем?». Это в то время, когда органы власти и судопроизводство на Украине работали с документацией исключительно на украинском языке (партийные документы шли на русском); когда, во времена книжного дифицита в России, полки украинских магазинов были завалены книжной классикой на украинской мове; на украинском языке шли театральные постановки, фильмы, писались магазинные вывески; на украинском велись уроки в большинстве школ, а в «русские школы», где преподавание украинского языка и культуры велось со второго класса, попадали больше по блату. Тому, кто признавал себя украинцем, было легче найти хорошую работу, поступить в вуз, сделать служебную карьеру. Планомерное искусственное насаждение «украинского национального сознания», которое начиналось с 1923 года, уже тогда, к годам 70-м, под несколько пугающим тогда влиянием Западной Украины, начинало давать свои русофобские плоды.

Но насаждаемая искусственность порождала в Центральной Украине и на Донбасе парадокс. Даже те, кто в этническом смысле считали себя украинцами, тянулись к русскому языку, к изучению общей истории и русской культуре. Книги в те времена народ ещё читал. Но, чтобы прочесть что-нибудь из классики на русском языке, люди предпочитали месяцами, как в России, собирать макулатуру. Работая, в своё время, начальником отдела кадров на заводе, Елена быстро выучилась переводить многочисленные инструкции и письма Администрации и Исполкома с украинской мовы на русский язык, так как подлинники текстов сотрудники читать ленились. А вот соседскому мальчику, который обращался к Елене за помощью с домашним заданием по математике, она помочь не смогла. Уж больно специфическим и мудрёным был язык математических заданий, а перевода от соседа - украинского школьника добиться так и не удалось.

По приезду в город-спутник Киева Бровары, где Елене - Олэне предстояло прожить долгих 9 лет, она, первым делом, посетила местный краеведческий музей. Пройдя через гербарии и чучела местной флоры и фауны, директор

музея, он же гид, подвёл небольшую группу экскурсантов к стенду, посвящённому Великой Отечественной войне. В центре натянутого на раму холста висела фотография местной школы времён фашисткой оккупации. На снимке, на толстых ветвях старых яблонь школьного сада были развешаны люди. «Так то ж коммуняк всех повишали, - раздался характерный местный говорок одного из экскурсантов, - а остальным неплохо жилось, немцы очень дисциплинованы и аккуратные…». Ответной реплики со стороны директора музея не последовало.

В интернационально настроенной столице СССР тех лет никто ещё не замечал, и не верил, что бандеровский фашизм, накрепко закрытый при Сталине и высвобожденный досрочно Хрущёвым, уже снова поднимает голову. А Лена это наблюдала. Наблюдали и другие жители киевщины, как освободившиеся досрочно из заключений, бандеовцы и палачи - полицаи, удачно обложившись нужными документами, настойчиво выбивали себе льготы, машины вне очереди, положенные участникам ВОВ, занимали ответственные посты в министерствах и ведомствах, в исполкомах и даже райкомах. Приоритетным для карьерного роста были не прошлые заслуги, а то, чьим кумом ты являешься. Бывало, жители наблюдали и первые бравые марши бандеровских последователей под «жёвто-блокитными» флагами со свастиками на рукаве.

Но чем восточнее, тем более устойчивыми к русофобским влияниям оставалось население. Особенно противились навязыванию украинизации бывшие новороссы. Именно в них, уже задремавшее было самобытное чувство русской культуры, первым пробудилось в наши дни, дни исторического землетрясения, потребовав, наконец, окончательного решения вопроса объединения русского мира.

А ведь этот вопрос остро звучал ещё до революции. Вот как пророчески высказывал свои опасения академик Алексей Александрович Шахмотов – лингвист, филолог и историк, учитель крестьян из Мордовской Норки:

«Неужели теперь, когда единство достигнуто, когда все три русские народности живут общею жизнью, рост белорусской и малорусской народностей приведет к распадению?

Вопрос сводился только к тому, какое ему дать направление — русское, направить к общему благу России или антирусское, направленное к обособлению сначала духовности, потом политики Малороссии и Белоруссии… мы сильны своим единством, без него мы станем добычей других, более сильных народов» [33]

Вот такой добычей для потребительского Запада и стала сейчас Малоруссия – Украина, искалеченная сначала безнаказанностью бандеровского национализма, а затем в один миг отрезанная врагами по живому от своих общероссийских корней.

На огромной территории России малые народы всегда бережно сохраняли свою самобытную культуру, лишь обмениваясь с соседями ею добровольно. Белорусы, новоруссы, малорусы, великорусы были особенно близки, и все считали себя русскими, как сейчас считают себя одним народом мордвой похожие, но разные мокша и эрзя.

В этом и состоит уникальность многонациональной России, где все малые народы исторически связаны общностью судьбы, поэтому их невозможно разъединить. Так было и в Российской империи, где русскими становились все этнически далеко не русские Романовы. Так было и в Союзе Советских социалистических республик, где у руля власти стояли представители разных национальностей (украинцы, русские, грузины и др.)[34].

Да, много напутано в нашей истории, много намешано и разной крови у наших подружек, но они всю жизнь знали, что они русские, и это наполняло их гордостью. Ведь русский в нашей стране – это понятие более широкое, чем просто национальность. Любой человек, который проживает на территории России, впитывая в себя русское мировоззрение, даже несмотря на нерусскую кровь, вправе считать себя русским гражданином, то есть, русским.

Праздник московского двора

Воскресный детский праздник во дворе красного дома, организованный Пелагеей Калмыковой произвёл в Царицыно настоящий фурор. Он не был похож на торжественные праздничные концерты с танцующими и поющими детскими профессиональными ансамблями на сцене где-то в глубине зрительного зала. Он не был похож и на привычные праздничные мероприятия пионеров, когда они, одинаково одетые, со скучающими лицами машинально проделывали то, что им говорили организаторы. Всё происходило совершенно стихийно, дети собирались на праздник с близлежащих дворов без предварительной договорённости друг с другом, стоило лишь заиграть духовому оркестру, который Пелагея Ильинична собрала из учащихся музыкальной школы в Красном Строителе. Скорее этот праздник по детскому искреннему веселью был похож на прогулки в Аршиновском парке со старыми народными забавами. Кто-то

играл в игры: «ручеёк», «бояре», кто-то участвовал в шуточных соревнованиях «кто быстрее», кто-то танцевал, пел, читал стихи, собирая вокруг себя поклонников.

Подружки Елька с Маринкой пришли на праздник в одинаковых украинских вышиванках и в коротких юбочках. Приодеть их так постарался Маринкин папа. С ними же они выучили и песню на украинском языке, которую исполнили дуэтом. Главным их зрителем была старенькая бабушка-литовка. Она как самый почётный зритель праздника сидела в комнате у распахнутого окошка на первом этаже жёлтого дома и широко улыбалась.

В другом конце двора 12-летняя девочка танцевала узбекский танец, а два мальчика в матросках отплясывали «Яблочко». Особо привлекла всеобщее внимание трёхлетняя девочка, которую её бабушка поставила на табуретку и, находясь рядом, удерживала от падения. Это была одна из тех бабушек-дворянок, которая обучала детей играм в Аршиновском парке. Малышка пела какую-то песенку на французском языке, очень смешно строя чувственные гримасы, что говорило о том, что девочка явно понимала смысл того, о чём поёт.

Почти все пришедшие на праздник смело включались в мероприятия. Безучастно лишь стояла в стороне небольшая группка намеренно пренебрежительно одетых, а вернее сказать, полураздетых подростков, бесцеремонно смолящих папироски. Смотрели они на всё происходящее молча, с замершей на лице ухмылкой, но с плохо скрываемой завистью в глазах.

Пелагея Ильинична, как всегда аккуратно зачёсанная и неброско одетая скромно наблюдала за веселящимися детьми, сидя на той же скамеечке, на которой её впервые увидели девочки - подружки.

Происходящее во дворе мысленно возвращало её к тем далёким праздникам крестьянского детства, когда его устраивали дворяне Трироговы для учащихся аряшской школы и членов их семей. Она вспоминала, как было интересно и радостно петь родные мелодичные эрзянские песни, одевшись в традиционно бело–красно–чёрные наряды с туго закрученными на икрах ног обмотками «верьга пракста».

На праздниках присутствовали и дворянские дети, и дети из разных деревень: и русских, и татарских, и мордовских. Всех школьников Трироговы учили одинаково, в уважении к различиям в традициях. Хотя одних детей и забавляли непривычные говоры, манеры и вкусовые пристрастия других, никто не указывал им, какие носить головные уборы, обереги, какой формы плести лыковые лапти или валять валенки, какие готовить блюда. Никто не запрещал им самим

выбирать род занятий и общаться в среде близких на родном языке. Но все понимали, что для общения с внешним миром, надо знать и объединяющий всех русский язык.

Духовой оркестр учеников музыкальной школы заиграл вальс «На сопках Маньжурии». На глазах когда-то стойкой к сантиментам Пелагеи навернулись слёзы. Они, словно вызванные первыми мягкими аккордами трубы, закрыли всё происходящее во дворе густым туманом. Вальс был написан в годы Русско-Японской войны капельмейстером музыкальной команды Мокшанского резервного пехотного полка родной Пензенской губернии Ильёй Шатровым в память о погибших товарищах. Эта красивая мелодия всегда возвращал её мысленно к тяжёлым боевым годам Гражданской и Великой Отечественной. Менялись времена, близкие люди гибли под натиском разных врагов, не раз менялся и текст песни. Неизменно родной оставалась лишь эта прекрасная мелодия, знакомая с детства.

Смахнув, покатившуюся по морщинистой щеке слезу, Пелагея вздохнула:

- как быстро пролетела жизнь. Не было в ней, насыщенной борьбой и событиями, места ни домашнему уюту, ни женскому счастью, - подумала она. Мысли пожилой женщины вдруг понеслись в ритме музыкального счёта:

- Всё ли было сделано правильно в борьбе за справедливость?

- Надо ли было отменять дореволюционную культуру, перечёркивать жизнь и деятельность своих же предков? Ведь и СССР и царская Россия - это всё наша стана, и прежде, чем изобретать новое, разве не надо было, как следует, выучить старые исторические уроки?

-Может, не надо было бежать без оглядки к мистическому будущему, а иногда остановившись, оглядеться, подумать, или даже, как говорил великий русский полководец И.Кутузов: «отступить, чтобы победить»?

- Стоили ли произошедшие со страной перемены таких многочисленных народных жертв? Вот и её жизнь, целиком отданная борьбе за справедливость, как она её понимала, заканчивается так бесславно.

- Не направляет ли новый лидер нас к созданию чего-то эфемерного, оторванного от жизни?

- Нет, нет, к чему вдруг эти мысли? - Туман перед глазами рассеялся.

Наша родная коммунистическая партия, партия Ленина и Сталина непременно в скором времени выведет нас к счастливому, светлому будущему! – оборвала

Пелагея поток сомнений.

Вспомнилось письмо, которое они с царицынскими пионерами недавно увлечённо писали потомкам в XXI век. В письме дети выражали святую уверенность, что пишут письмо в ту жизнь, где в СССР уже победил коммунизм, и люди не знают нужды; где царит мир во всём мире; где советские люди живут в великолепных «городах будущего» в просторных отдельных квартирах, передвигаются с помощью летающих поездов и автобусов; где в каникулы путешествуют на Луну и на Марс.

А создавать это будущее, приняв эстафету героических отцов и дедов, преумножая народные традиции суждено самим этим пионерам… и вот им,- Пелагея Ильинична полным материнской нежности взглядом окинула московский двор, где так беззаботно прыгали, танцевали и смеялись дети под звуки старинного вальса.

Этой ночью Калмыкова быстро заснула без привычных успокоительных таблеток. Во сне она увидела себя со стороны совсем маленькой девочкой, бегущей в валенках по искрящемуся на солнце снежному пуху вслед за санями. Летящие над землёй кони стремительно уносили большую закутанную фигуру Дмитрия Ивановича Менделеева куда-то в темноту. Вернись, впереди пурга !- Велявт, икеле кандылов! -что есть силы пыталась выкрикнуть малышка, но её запоздалый крик никак не вырывался наружу.

*

Пелагея Ильинична Калмыкова, родом из села Мордовская Норка скончалась в начале 1970х годов в Москве, так и не дожив до обещанного Генеральным секретарём ЦК КПСС Н.С. Хрущёвым коммунизма. «Коммунистического завтра» не довелось увидеть и Ельки с Маринкой… но об этом вы уже и сами знаете…

[1] Кошма - войлочный ковёр из овечьей или верблюжьей шерсти.

[2] Уредев – центральная фигура на мордовских свадьбах, у русских: «дружка», «шафер».

[3] Эпизоотия - эпидемия у животных

[4] Шагай вперёд! (эрз.)

[5] Сейчас Пензенская область

[6] г. Казань сейчас является столицей Республики Татарстан в России

[7] г. Харьков – город на Украине

[8] А. А. Шахматов. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию. Публикация О. В. Никитина.

[9]То же

([10] Менделеева-Трирогова О. Д. Д. И. Менделеев и его семья. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1947.

[11] Д. И. Менделеев в воспоминаниях современников. М., Атомиздат, 1973

[12] НЕ ДЕЛАЙ ДОБРА - НЕ ПОЛУЧИШЬ ЗЛА, Владимир Вержбовский, «Молодой ленинец», № 40, 7 октября 2014 г.

[13] Там же

[14] Казакстан – «казачий стан», «страна казаков». Именно так, через «к», именовался русскими этот народ до 1936 года, пока в феврале 1936 году Постановлением ЦИК и СНК КазаКской ССР ”О русском произношении и письменном обозначении слова ”казак” сказано, что последняя буква ”к” заменяется буквой ”х”. Слово «казак» использовалось для обозначения свободного, вольного человека любой национальности, отказавшегося жить, подчиняясь властям. Со времён Пугачёвского бунта современных казахов называли «киргиз-кайсак». В состав теперешнего Казахстана вошли земли сибирских, оренбургских и уральских казаков.

[15] Кержаки - русские старообрядцы, гонимые представителями русской православной церкви и Романовыми после реформы патриарха Никона.

[16] До принятия мусульманства у кочевых казаков-киргизов был матриархат.

[17] Наречие киргизского языка.

[18] П. И. Калмыкова «О работе среди женщин в период существования женотделов»

[19] Против планов партии выступали троцкисты, отрицавшие самую возможность социалистического преобразования сельского хозяйства, а также правые оппортунисты — Бухарин, Рыков и другие, выдвигавшие теорию «мирного врастания» кулачества в социализм.

[20] П. И. Калмыкова «О работе среди женщин в период существования женотделов»

[21] Там же

[22] Алемайкина В.Д.

Калмыковы из Мордовской Норки и Д.И.Менделеев

[23] По материалам работы Н. Таланова « О курсах редакторов-переводчиков трудов классиков марксизма-лнинизма».ОГИЗ РСФСР, Москва, 1935г.

[24]Из переписки Н.Ф. Прокиной с учителем и коаеведом В.Д. Алемайкиной.

[25] Из переписки Н.Ф. Прокиной с учителем и коаеведом В.Д. Алемайкиной.

[26] «Каждый - по способностям, каждому — по потребностям» - популярный в Советском Союзе лозунг коммунистического идеала, провозглашённый К. Марксом в работе « Критика Готской программы», 1875г.

[27] В начале 1960-х годов была ещё шестидневная рабочая неделя с одним выходным днём в воскресенье.

[28]

Церковь работала как приходская до 1939 года. После закрытия здание церкви было приспособлено под трансформаторную будку, в 1970-е гг. – под типографию, а с 1975 по 1990 гг. в ней размещалась столярная мастерская СНРМ-3 при В/О «Союзреставрация», с тяжелыми деревообрабатывающими станками, от работы которых было сильно потрескались и само здание, и настенная живопись храма. В 1990 г. церковь «Божией Матери Живоносный Источник» была реставрирована и в ней возобновились богослужения.

[29] С начала 1970-х годов бывшие деревни Орехово, Борисово, Шипилово и Зябликово стали застраиваться типовыми домами и район получил название Оре́хово-Бори́сово. В «перестроечных» годах этот московский район получил

печальную известность своей Ореховской ОПГ(Организованной преступной группировкой).

[30] Сейчас на месте Аршиновского парка - большое здание городской клинической больницы имени В.М. Буянова(бывшая больница ЗИЛ).

[31] К 1917 году в состав Херсонской губернии входила и Одесса

[32] Кавун (укр.) - арбуз

[33] А. А. Шахматов. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию. Публикация О. В. Никитина

[34] «Именно в 1930-х годах Сталин стал ощущать себя русским, о чем говорил в такой форме: «Я русский человек грузинской национальности». Такое же двуединое содержание он требовал и от других: сперва русское государство, культура, язык, а потом и ваши личные привязанности и особенности». "Сталин" - Рыбас Святослав Юрьевич - Страница 108 - ЛитМир (litmir.me)